

Bakemonogatari Vol. 1

Улитка Маёй

Я встретил Хачикудзи Маёй четырнадцатого мая, в воскресенье. В тот день вся страна отмечала День матери. Любишь ты свою мать или ненавидишь, в близких с ней отношениях или не очень, покуда ты японец, вместе со всеми ты празднуешь День матери. Ну, само по себе это пришло к нам из Америки. Такой же праздник, что и Рождество с Хэллоуином и Днём святого Валентина. Как бы то ни было, четырнадцатого мая самые высокие продажи гвоздик за все триста шестьдесят пять дней в году, и в каждой семье раздаются «купоны на массаж плеч» и «купоны на помощь по хозяйству». Ну, не знаю, сохранился ли такой обычай до сих пор, но четырнадцатого мая того года, в День матери, было именно так.

В тот день.

В тот день, в девять утра.

Я сидел на скамейке какого-то незнакомого парка. Глядел как дурак на по-дурацки голубое небо и маялся от безделья в незнакомом парке. Какой там незнакомый, я даже ни разу не слышал о нём.

На входе висела табличка «浪白公園¹».

Понятия не имею, читается ли «浪白» как «Намисиро» или «Рохаку», или вообще как-то по-другому. Возможно, это как-то связано с историей парка, тогда мне уж точно неоткуда знать. Конечно, ничего такого в том, что я не знаю. Проблем от этого никаких. Я пришёл сюда не с какой-то целью, просто мчался наобум куда глаза глядят на горном велосипеде и в итоге оказался в этом парке, только и всего.

Всё-таки есть разница между «посещением» и «попаданием».

Хотя для других, наверное, не будет никакой разницы.

Я оставил велосипед на велосипедной стоянке у входа.

На заброшенной и открытой всем ветрам велосипедной стоянке стояло ещё два «объекта», и не разберёшь то ли это груды ржавчины, то ли велосипеды, ну, в общем, других велосипедов там больше не было, кроме моего горного. В подобные моменты ощущаешь жуткую пустоту от того, что раскатываешь на горном велосипеде по заасфальтированным дорогам, но знаете, эту пустоту я постоянно ощущаю и без подобных моментов.

Парк довольно большой.

Но игровым оборудованием обставлен скудно. Наверное, из-за этого и кажется таким просторным. Качели в углу да песочница с гулькин нос, ни тебе горки, ни лабиринта, ни даже перевесов. Во мне, как третьекласснике старшей школы, этот парк, наверное, должен вызвать ностальгию, но, если честно, в сердце у меня поднималось диаметрально противоположное чувство.

И чего он вообще такой? Посчитали старое игровое оборудование опасным и, обеспокоившись безопасностью детей, решили убрать? Даже если так, впечатления это не

изменит, и вообще, как по мне, эти качели явно поопасней будут. И как-то неожиданно я вдруг отчётливо осознал какое же чудо, что я сейчас цел и здоров.

В детстве каких только безумств не вытворял.

Так что ностальгией тут и не пахнет.

К тому же.

К четырнадцатому мая того года моё тело уже где-то полтора месяца как нельзя назвать просто целым и здоровым... Однако сентиментальность, пустившая глубокие корни в моём сердце, похоже, ещё не успела принять эту реальность. Да и вообще, если честно, с таким за несколько месяцев не справишься. Наверное, и целой жизни не хватит.

Но, подумал я.

Даже несмотря на отсутствие игрового оборудования, здесь как-то слишком пустынно: кроме меня, никого. А ведь сегодня воскресенье. Обставлена площадка, конечно, скудно, но от этого она же только просторней, можно и в бейсбол сыграть с резиновым мячиком и пластмассовой битой. Или нынешние дети уже не играют в бейсбол или, хотя бы, в футбол? Только дома сидят да в видеоигры гоняют?.. А может, на дополнительных занятиях? Или просто решили побыть хорошими сыновьями и дочерьми и празднуют День матери?

Как бы то ни было, в это воскресенье в парке никого, кроме меня, даже больше — такое чувство, что во всём мире не осталось больше ни одного человека. Каким бы преувеличением это не казалось, но сейчас я ощущаю этот парк своим полноправным владением. Словно и домой больше никогда возвращаться не нужно. Лишь я, лишь я один... Хм. Нет, был один. Сейчас здесь не только я. Прямо напротив скамейки, на которой я сижу, по другую сторону площадки, в углу парка у стального стенда с картой этого района стоял какой-то ребёнок и изучал карту. Он стоял ко мне спиной, так что не знаю, какого он пола. Зато у него впечатляюще огромный рюкзак за спиной. И в тот момент, когда у меня на сердце потеплело, и я уже начал думать, что нашёл себе товарища, этот школьник, поизучав карту, что-то там для себя решил и вышел из парка. Остался лишь я.

Снова один.

«Такой», подумалось мне.

«Братик».

Вдруг вспомнились слова младшей сестры.

Слова, что она так небрежно бросила мне в спину, когда я вылетел из дома на горном велосипеде.

«Братик, вечно ты такой...»

Эх.

«Чёрт», — подумал я, и если раньше глядел в небо, то сейчас опустил голову и смотрел прямо на землю.

Мрачные мысли затопили меня, словно берег во время прилива.

Только я глядел в небо, полный умиротворения, как уже снова ввергся в пучины отвращения к своей ничтожности. Наверное, можно назвать такое чувство самоненавистничеством... Обычно я не какой-то там страдалец, даже больше: я вообще никак не связан со словом «страдание», но очень редко, в такие дни как четырнадцатое мая — когда проходят какие-то праздники — почему-то вхожу в такое состояние. Особая ситуация, особая конфигурация. Я весьма падок на подобное. Теряю самообладание. Не чувствую земли под ногами.

Ах, нет ничего лучше обычных будней.

Поскорей бы уже завтра.

С такого вот щепетильного состояния и начался эпизод про Улитку. Вспоминая его сейчас, могу сказать, что не будь у меня этого состояния, этот эпизод и вовсе бы не начался.

Примечания

1. 公園 - парк.

— Ой-ой, кто тут у нас. Я думала, кто-то дохлого пса на лавке оставил, а это всего лишь ты, Арараги-кун.

Услышав это странное, не побоюсь даже сказать, что человечество впервые за всю свою историю наблюдает подобное приветствие, я поднял голову — там оказалась моя одноклассница Сендзёгахара Хитаги.

Соответствуя воскресенью, она, конечно же, не в школьной форме. Я уж думал, ответить что-нибудь на этого внезапного «дохлого пса», как разглядел, что она ещё и собрала свои прямые волосы, которые в школе всегда распускает, в хвост, и от этого свежего образа неосознанно проглотил все вертевшиися на языке слова.

Ничего себе...

Не сказал бы, что одежда как-то особо откровенна, но верх отлично подчёркивал грудь, а низ представлял собой немислимой для школьной формы длины юбку-шорты. Не сказал бы, что дело в юбке, но вот чёрные чулки смотрятся куда лучше голых ног.

— Ты чего. Обычное ведь приветствие. Шутка. Не надо делать такое лицо, будто ты и правда обиделся. Арараги-кун, у тебя недостаток чувства юмора в организме?

— А, н-нет...

— Или нет. Невинный Арараги-кун познал райское наслаждение, попав под чары моего чарующего наряда?

— ...

Как бы то ни было, этот её каламбур достаточно точно, можно сказать, в самое яблочко, описывал моё впечатление, из-за которого я и засунул поглубже свои слова.

— Кстати, 蕩れ в «попасть под чары» то ещё словечко. Смекаешь? «Торэ» пишется «трава над горячей водой» и идёт на порядок выше «моз» — «трава над сиянием», все мои надежды собрались в этом чувственном слове, нацеленном в будущее. Так и просится «торэ горничных» и «торэ некомики».

— Просто твой новый образ впечатляет куда больше старого. Вот и всё.

— А, это да. Тогда я ведь скромнее одевалась.

— Да? М-м-м.

— Но всё это я купила только вчера. Отметила, так сказать, выздоровление.

— Выздоровление...

Сендзёгахара Хитаги.

Моя одноклассница.

Совсем недавно у неё была проблема. Проблема, которая началась с самого поступления в старшую школу и продолжалась до недавнего времени.

Больше двух лет.

Непрерывно.

Из-за этой проблемы она не могла завести друзей, не могла с кем-либо контактировать, и жизнь в школе для неё была словно тюремное заключение. Но, к счастью, в прошедший понедельник всё наконец разрешилось. Я некоторым образом поучаствовал в этом разрешении; мы с Сендзёгахарой на первом году, на втором, а теперь уже и на третьем сидим за соседними партами в одном классе, но впервые заговорили друг с другом только тогда. Можно сказать, так завязались мои отношения с этой девушкой, создающей впечатление молчаливой и нежной болезненной отличницы.

Проблема разрешилась.

Разрешилась.

Хотя в случае Сендзёгахары с проблемой, с которой она прожила несколько лет, конечно, не всё так просто: после этого она до самой субботы не появлялась в школе. Наверное, улаживала вопросы в больнице и проходила детальное обследование, я б сказал даже, исследование.

И вчера.

Для неё всё закончилось.

Похоже.

В конце концов.

Или наоборот, только.

Если подумать, то скорее, наконец.

— Ну, если и так, но *корень* проблемы это не излечит, да и сам этот вопрос довольно сложный: быть честно счастливой или нет.

— Корень проблемы?..

Проблема у неё та ещё.

Но, наверное, всё странности, которые люди называют проблемами, таковы — вся их истинная натура проявляется и объясняется лишь под самый конец.

Так в случае Сендзёгахары.

Так и в моём случае.

— Ладно. Лучше не беспокоить этим других.

— Хм. Ну, да.

Это верно.

Верно для каждого из нас.

— Да. Всё так. К тому же я счастлива лишь от того, что мне хватает ума беспокоиться об этом.

— Хочешь сказать, где-то существует несчастный, которому даже беспокоиться не хватает ума?

— Арараги-кун тупой.

— Прямо в лоб!

И полностью забила на контекст.

Значит, ты этим просто хотела сказать, что я тупой...

Нисколько не изменилась почти за неделю.

Хотя думаю, немного сгладилась.

— Но это хорошо, — сказала Сендзёгахара, тонко улыбнувшись. — Сегодня я намеревалась немного попривыкнуть, но мне бы хотелось, чтобы ты увидел этот наряд первым, Арараги-кун.

— Хм?..

— Проблема решена, и теперь я свободно могу выбирать стиль и фасоны, вот. Могу надевать любую одежду, какую только захочу.

— А-а... ну да.

Не могла свободно выбирать одежду.

Ещё одна из проблем Сендзёгахары.

И это в возрасте, когда хочется красиво одеваться.

— Хотела показать мне первому, значит. Какая честь, я польщён.

— Не показать, Арараги-кун. Хотела, чтобы ты увидел. Совсем другой нюанс.

— Э-э...

А вот в понедельник мне открылся вид куда больше, чем «скромнее одевалась»... Однако этот наряд, так подчёркивающий грудь, определённо не лишён очарования, да такого, что глаз не отвести. Должно быть, у неё хороший вкус, раз меня как магнитом тянет. Хотя она позиционирует себя «болезненной», но точно чувствую в ней позитивное направление, противоположное этому слову. Собранные в хвост волосы хорошо открывают верх. Особенно, в области груди. Эй, чего я только о груди и говорю... Она даже не открыта... Но если учесть, что сейчас самая середина мая, то наряд с длинными рукавами у девушки в чулках не особо-то и откровенный, но тем не менее довольно экзотичный. Что же это, что вообще такое? Неужто из-за того опыта с Сендзёгахарой Хитаги в понедельник и Ханэкавой Цубасой на Золотой неделе, я обрёл способность чувствовать одетую девушку более сексуальной, нежели обнажённую или в нижнем белье?..

Беда...

Прекрасно обошёлся бы без такой способности, я же всё-таки старшеклассник...

Я о том, что если серьёзно, то как-то грубо вот так паяльаться на одноклассниц. Надо же, как я сам себя пристыдил.

— Кстати, Арааги-кун. Ты что вообще тут делаешь? Наверное, уже успел бросить школу, пока меня не было. И теперь не можешь рассказать своей семье об этом и прикидываешься, будто ходишь на занятия, а на самом деле маешься от безделья в парке... Если так, то, похоже, наконец оправдались мои опасения.

— Прямо отцовские нравоучения...

К тому же сегодня воскресенье.

Да и День матери.

Так собирался я возразить, но передумал. Из-за определённых обстоятельств Сендзёгахара живёт с отцом. Что до матери, то с ней довольно запутанная история. Наверное, не стоит так заморачиваться об этом, но это же и не то, о чём стоит бездумно болтать. На пока поставим табу на слова «День матери» для Сендзёгахары.

Но...

Это и не значит, что я сам хочу об этом говорить.

— Да ничего такого. Время убиваю.

— Поговаривают, что человек, который отвечает на вопрос, чем он занимается, «время убиваю», никчёмный. Но я бы хотела, чтобы это никак не касалось тебя, Арааги-кун.

— Да небольшой туринг просто. На велике, — добавил я.

Услышав это, Сендзёгахара хмыкнула и оглянулась в сторону входа в парк. Туда, где находится велосипедная стоянка.

— Так это твой, Арараги-кун.

— М-м? Ага.

— У него же каркас такой ржавый, будто его специально покрыли оксидом железа, цепь вся изломана, и ни сидушки, ни колёс, как он вообще ездит-то.

— Не этот!

Это брошенный.

— В стороне от этих двух, стоял ещё один, красивый такой! Красный! Это мой!

— М-м... А-а. Этот горный велосипед.

— Да-да.

— МТВ¹.

— Ну... да.

— МІВ.

— Это другое.

— Хм-м. Тот твой. Но всё равно он какой-то странный. Не такой, на котором я с тобой ездила.

— Тот для школы. Не буду же я кататься по городу на велике с корзинкой.

— Ясно. Ты ведь старшеклассник, — одобрительно закивала Сендзёгахара.

Ты тоже старшеклассница, так-то.

— Старшеклассник, горный велосипед.

— Что-то подозрительно...

— Старшеклассник, горный велосипед. Среднеклассник, нож-бабочка. Младшеклассник, задиранье юбок.

— И как понимать это жуткую последовательность?!

— Тут ведь нет служебных слов и прилагательных, так что ты не можешь знать, жуткая она или нет. Не стоит повышать голос на девушку из-за своих догадок, Арараги-кун. Запугивание — одна из форм насилия, не знал?

Как и оскорбления.

Хотя, с тобой говорить...

— Тогда добавь служебных и прилагательных.

— Горный велосипед «у» старшеклассника «более невозможен», «чем» задиранье юбок «у» младшеклассника и нож-бабочка «у» среднеклассника.

— Как вывернула-то!

— Эх, ты, Арараги-кун. Ты ведь должен был заметить, что «более невозможен» это не прилагательное, а категория состояния.

— Да кто поймёт, после таких-то слов!

Впрочем, как и ожидалось от отличницы.

Ну, а может, только я не знаю такого...

С японским у меня не очень.

— Ну ладно обо мне. Не сказал бы, что так люблю горные велосипеды, да и сейчас я решил терпеливей относиться к твоим оскорблениям. Даже не терпеливей — снисходительней. Но по всему миру около пятидесяти тысяч старшеклассников с горными велосипедами, не думаешь? Ты и их всех хочешь против себя настроить?

— Горный велосипед это очень круто. Любой старшеклассник мечтает о таком, — тут же исправилась Сендзёгахара Хитаги.

Ловкая самозащита.

— Я говорила неискренне, ведь такая крутость несколько не подходит тебе, Арараги-кун.

— Скинула ответственность...

— Ты слишком шумишь и жалуешься по пустякам. Если захочешь умереть, всегда готова довести тебя до полусмерти.

— Что за жестокость!

— Арараги-кун, ты часто сюда ходишь?

— Сменила тему и глазом не моргнула. Ну, вроде бы, я вообще здесь впервые. Просто катался на велике, а тут этот парк, и мне захотелось немного передохнуть.

Если честно, я собирался доехать куда-нибудь до Окинавы, если не дальше, но раз я так легко встретил тут Сендзёгахару, то это только подтверждает, что мне, похоже, даже на велосипеде не выехать из этого города. Прямо загон какой-то.

Иэх.

Наверное, стоит попробовать получить права.

Но всё равно это после выпуска.

— А ты? Ты говорила о привыкании, так это какие-то восстанавливающие прогулки?

— Я говорила о привыкании к одежде. Арараги-кун, парни ведь вроде не сталкиваются с таким? По крайней мере, ты точно разношивал обувь. Ну если коротко, то это прогулки, да.

— Хм-м.

— Когда-то давно, это место было моим.

— ...

Её...

— А, ты же во втором классе переехала. Так значит до этого ты жила где-то здесь?

— Ну, вроде того.

Вроде того, значит.

Ясно — значит, это не просто «прогулки» и «привыкание к одежде», теперь, когда её проблема, по сути, разрешилась, её охватила ностальгия по ушедшему. Выходит, и ей не чуждо всё человеческое.

— Довольно давно, но это место...

— Что с ним? Ничуть не изменилось?

— Нет, наоборот. Полностью переменялось, — тут же ответила она.

Похоже, она уже всё тут обошла.

— Не сказала бы, что меня так легко растрогать... Но, когда место, в котором когда-то давно жила, так изменяется, чувствуется какая-то грусть и пустота.

— С этим же ничего не поделать?

Я живу в месте, в котором родился и вырос, так что мне, если честно, не понять чувств Сендзёгахары. Да я и не назвал бы это место родным...

— Да. Ничего уже не сделать.

Сендзёгахара вдруг обошла без колкости в мой адрес. Большая редкость, что эта девушка не выказала возражений моим словам, выставив своё мнение наперёд. Наверное, подумала, что тема уже исчерпала себя.

— Эй, Арааги-кун. Ничего, если я побуду рядом?

— Рядом?

— Я хочу поговорить с тобой.

— ...

Жуть как прямолинейно.

Всё просто и понятно: что хочет сказать, что хочет сделать.

Бьёт прямо в лоб.

— Всё нормально. Я и так в одного занял скамейку на четверых, мне уже как-то не по себе.

— Хорошо. Раз тут не занято, — сказала Сендзёгазара и села рядом.

Настолько рядом, что мы коснулись плечами.

— ...

Э-э... Почему она села, будто эта скамейка на двоих?.. Близковато, Сендзёгахара-сан. Так наши тела не соприкасаются лишь едва, любое малейшее движение и всё, приходится соблюдать просто жутко идеальный баланс, но похоже, одноклассники, и тем более, друзья, не замечают подобных «едва». А если я сейчас попробую отодвинуться, это может выглядеть, будто я чураюсь Сендзёгахары. Конечно, у меня и в мыслях этого нет, но выглядеть может так, и боюсь, Сендзёгахара тут же обрушит на меня шквал издёвок, так что проще вообще не двигаться. Вот я и застыл как истукан.

— То, что произошло тогда.

В такой ситуации и в таком месте.

Сендзёгахара говорила со спокойным видом.

— Думаю, мне стоит ещё раз поблагодарить тебя.

— А-а... Да я обойдусь без благодарностей. Всё равно я никакой роли не сыграл.

— И правда. Даже на роль мусора не сгодился.

— ...

Смысл один, а какой жестокий окрас...

Хотя скорее, это она жестокая.

— Выскажи свою благодарность Ошино. Думаю, этого хватит.

— С Ошино-саном отдельная история. К тому же мы ведь обусловились о плате. Сто тысяч йен.

— А, на подработку пойдёшь?

— Угу. Но мой характер не особо подходит работе, так что я ещё на стадии решения этой проблемы.

— Всегда лучше трезво оценивать себя.

— Не так-то просто переступить через себя...

— Значит, ты на решении этой проблемы?

— Шутка. Но насчёт денег серьёзно. В общем, Ошино-сан это другое. Я хочу высказать тебе, Арааги-кун, не такую благодарность, как ему.

— Тогда я уже услышал и хватит. Слова теряют ценность, если их бесконечно повторять, даже если это благодарность.

— Да я и не подразумевала ничего такого.

— Нет?!

— Да шучу. Именно это и подразумевала.

— Тебе лишь бы пошутить.

А мне лишь бы попасться.

Сендзёгахара кашлянула.

— Прости. Просто мне почему-то хочется на все твои слова отвечать наоборот или опровергать их.

— ...

Извинилась и сразу же говорит такое...

Такое чувство, будто сказала «нам никогда не поладить».

— Уверена, так и есть. Думаю, это как когда мучаешь того, кого любишь, лёгкая детскость.

— Нет, это больше желание помучить слабого, и думается мне, это вполне себе взрослость...

Хм?

Сендзёгахара только что сказала «того, кого любишь»?

А, ну, наверное, для красного словца.

Считать, что любая улыбнувшаяся тебе девушка влюблена в тебя, больше подходит какому-нибудь среднекласснику — это же не несёт в себе какого-то большого значения (улыбка денег не стоит), в общем, я вернулся к прежней теме:

— Ну, на самом деле вообще не думаю, что кто-то сделал что-то такое, за что ты должна чувствовать благодарность. Ошино же сказал, что только ты сама можешь спасти себя, так что не стоит благодарить меня. Это лишь попортит наши хорошие отношения.

— Хорошие отношения, значит. — Тон её голоса несколько не изменился. — Я и Арараги-кун. Хочешь сказать, мы близки?

— Да чего нет-то.

Встретились и раскрыли свои проблемы друг другу. Думаю, мы не чужие люди и даже уже не просто одноклассники.

— Да... Вот как, мы ведь знаем все слабости друг друга.

— Э-э?... У нас такие напряжённые отношения?

Да уж, натянутые...

— Дело не в слабостях, всё-таки мы действительно стали ближе... Не думаешь? Я, вот, буду считать так.

— Но знаешь, Арараги-кун, ты не похож на тех, кто заводит друзей.

— До прошлого года так и было. Скорее, даже было моей истиной. Но на весенних каникулах моё мировоззрение полностью перевернулось... А ты, Сендзёгахара?

— Я до того понедельника, — сказала она. — Если точнее, даже до встречи с тобой, Арараги-кун.

— ...

Чего это она...

В смысле, ситуация...

Такая ситуация, словно сейчас Сендзёгахара признается мне... тяжёлое дыхание, граничащее с удушьем... я совсем не готов. Знал бы, поприоделся бы да попричесался...

Нет!

Ах, как же неловко, я уже всерьёз раздумываю, что же делать, если она признается! Эй, раз я думаю о таком, какого мой взгляд остановился на её груди?! Неужто я такой скучный?! Арараги Коёми настолько мелочный, что судит девушку по её внешности (груди)?..

— Что такое, Арараги-кун?

— А, не... Прости.

— За что?

— Похоже, само моё существование грешно...

— Ясно. Грешник, значит.

— ...

Нет.

Опять смысл вроде бы один, но нюанс другой.

— В общем, Арараги-кун, — заговорила Сендзёгахара. — Что бы ты ни говорил, я хочу отплатить тебе. Думаю, без этого меня не будет покидать чувство незавершённости. Если у нас хорошие отношения, то сперва нам нужно покончить с этим, чтобы стать хорошими друзьями.

— Друзьями...

Друзьями.

Ну что за.

Слова-то, на самом деле, очень трогательные, но из-за завышенных ожиданий я где-то глубоко внутри погрузился в океан отчаяния, но скорее просто разочаровался...

Нет, не то...

Такое попросту невозможно...

— Что такое, Арараги-кун? Я ведь только что сама сказала что-то милое, а у тебя такая кислая мина.

— Нет-нет. Я же знаю, что ты подумаешь о таком, и отчаянно пытаюсь сдержаться от безумных плясок в стиле канкан, потому-то всё так и выглядит.

— Вот как.

Она кивнула с не особо-то убеждённым видом.

Наверное, думает, что я что-то скрываю.

— Ну ладно. Так вот, Арараги-кун. Чего хочешь? Только одно, но я сделаю всё, что угодно.

— В-всё?..

— Всё.

— Э-э...

Одноклассница сказала, что сделает всё, что бы я ни попросил...

Такое чувство, будто я вдруг достиг невероятного успеха.

...

Но она несомненно понимает о чём говорит.

— Правда, всё, что угодно. Любое одно желание. Власть над миром, вечная жизнь или повергнуть сайянов², вторгшихся на Землю, всё, что хочешь.

— Хочешь сказать, ты могущественней даже Шенрона³?!

— Естественно.

Даже не отрицает.

— Тут главное не желать присоединиться к предателям, чтобы позже перейти на сторону врага, и до самого конца пребывать в бесполезности⁴... Но, если серьёзно, лучше какие-нибудь личные желания, честно. Те, что попроще.

— Наверное...

— Что, растерялся от такой внезапности, Арараги-кун? Ну, в принципе, это нормально. Для подобных ситуаций есть ведь стандартные желания. Пожелать сто желаний, например.

— Э?.. Так можно? Это сработает?

Разве в подобных ситуациях это не стандартное табу, которым пользуются только всякие бесстыдники?

Хотя она же сама сказала.

Я лишь послушно последую её словам.

— Пожелай что-нибудь. Мне бы подошло а-ля делать что-то как можно дольше. Вроде вставлять в конце каждого предложению «ню» целую неделю, или неделю ходить на учёбу без нижнего белья, или неделю будить тебя каждое утро в одном только фартуке, а может, целую неделю просижу на клизмовой диете, выбирай на свой вкус, Арараги-кун.

— Это что вообще за уровень маньячного извращения?! Это уже все границы переходит!

— Нет... Извини, но не думаю, что смогу продержаться всю жизнь...

— Эй, нет, нет и нет! Дело совсем не в том, что ты занизила уровень моего извращения!

— О, ну ладно.

Лицо Сендзёгахары даже не дрогнуло.

Опять дурит меня...

— Кстати, Сендзёгахара, ты серьёзно собираешься целую неделю исполнять такие идиотские требования?

— Я так решила.

— ...

К чёрту такие решения.

— Для справки, лично я рекомендую, будить каждое утро только в фартуке. У меня давняя привычка рано вставать, можно сказать это даже мой конёк, кстати, если хочешь, могу и завтрак готовить. В одном лишь фартуке, конечно. А ты будешь наслаждаться этим сзади, разве не в этом вся мужская романтика?

— Не надо тут так про мужскую романтику! Мужская романтика куда лучше! К тому же если делать такое при родных, то семья развалится со скоростью урагана!

— Ты так говоришь, будто бы согласился, если бы не семья. Тогда, может, на неделю переедешь ко мне? Хотя думаю, итог будет такой же.

— Знаешь, Сендзёгахара, — заговорил я назидательным тоном. — Если я выберу что-то из этого, то не думаю, что мы сможем продолжать дружить.

— Ох. А ведь правда. Точно. Тогда исключаем эротику.

Вот и правильно.

Эй, неужто прибавлять «ню» в конце фразы для Сендзёгахары эро-желание?... А у неё довольно специфичные вкусы, при всей её невозмутимости.

— Ну, я всё равно знала, что ты, Арараги-кун, не выберешь связанное с эротикой.

— О, какое доверие.

— Девственник ведь.

— ...

Где-то это уже было.

На прошлой неделе, если мне память не изменяет.

— Девственники лёгкие противники: они не жадные.

— Это... Сендзёгахара, притормози немного. Ты тут как только не изворачивалась с девственностью, у тебя самой много опыта, что ли? Рассуждаешь тут о девственности с умным видом, не впечатляет, знаешь ли...

— О чём это ты? У меня полно опыта.

— Серьёзно?

— Серьёзней не бывает.

Сендзёгахара и бровью не повела.

Блин... ей, похоже, реально палец в рот не клади лишь бы мне поперечить...

И это «серьёзней не бывает» из той же оперы.

— Эм... Не знаю, как тут сказать, но даже если то, что ты сказала мне на самом деле, серьёзно, действительно правда, то тебе-то какая с этого выгода?

— Хм...

Щёки залились краской.

Вот только мои, а не её.

Как-то хватит уже с меня таких разговоров.

— Ясно... Поправка, — вскоре отозвалась Сендзёгахара. — У меня нет опыта. Я девственница.

— А...

Поразительное признание, но как уж есть.

Недавно я тоже, так что 1:1.

— Следовательно! — решительно продолжила Сендзёгахара и, подняв указательный палец, крикнула чуть ли не на весь парк: — Кроме такой старой девы как я, ни одна нормальная девушка не заговорит с таким жалким девственником, как ты, Арараги-кун!

— Гх!

Она готова и себя унижить, лишь бы меня опустить?..

В каком-то смысле сняла шляпу, в каком-то — подняла белый флаг.

Полная капитуляция.

Ну, учитывая её строгость поведения и высокое чувство нравственности, события прошлой недели должны действительно задеть её до глубины души, если не травмировать, так что, думаю, лучше нарочно особо не углубляться в это дело. У Сендзёгахары это уже болезнь, а не просто особенность характера.

— Но мы отвлеклись, — сказала Сендзёгахара, быстро вернувшись к своему спокойному тону. — Может, всё-таки есть что-то, Арараги-кун? Может, мне просто-напросто помочь тебе с чем-нибудь?

— Да не с чем мне помогать.

— Я не особо красноречива и красиво сказать не могу, но я хочу помочь тебе, Арараги-кун, правда хочу.

Да уж не сказал бы, что не красноречива.

Скорее даже наоборот, язык подвешен что надо... Однако Сендзёгахара Хитаги...

Всё-таки, хм, не такая уж и плохая по сути.

Например, все эти не исключённые желания.

Думаю, сейчас не та ситуация, в которой можно бездумно выдавать грязные желания.

— А может, хочешь, чтобы я показала тебе, как перестать быть хикикомори?

— Никакой я не хикикомори. В какой вселенной у хикикомори есть горный велосипед?

— Почему бы и нет? Не стоит смотреть так предвзято на хикикомори, Арараги-кун. Он может снять колёса и так кататься по дому.

— Это же велотренажёр.

Хикикомори-зожник.

Ну, всё может быть.

— Но ты так-то внезапно заговорила о помощи.

— Ну, очень может быть. Сегодня у тебя невсклоченные волосы, Арараги-кун.

— Хочешь сказать, моя главная проблема – всклоченные волосы?

— Не выдумывай. Эй, да у тебя оказывается жуткая паранойя. Арараги-кун, обчитался между строк, наверное?

— А как ещё-то это понимать...

Чёрт.

Она словно роза, шипы у которой даже на лепестках.

— Думаю, та девушка из класса, что добра ко всем, кроме себя самой, тоже помогает тебе с проблемами.

— Ну что за слова!

Пока я наконец не скажу что-нибудь, эта канитель будет продолжаться вечно.

Эх...

Пора это остановить.

— Ладно... Проблема, значит. Ну, может, это и вовсе никакая не проблема.

— О. Уже что-то.

— Одна небольшая трудность.

— Что же это? Я слушаю.

— А ты решительна.

— А то. Сейчас решится, смогу ли я отдать тебе долг. Это трудно рассказать другим?

— Нет, это не совсем такое.

— Тогда расскажи. Выговоришься, и полегчает, так, вроде, говорят.

...

Сказал самый скрытный человек, которого я знаю.

— Ну... я поссорился с сестрой.

— Не думаю, что буду здесь чем-то полезна.

Быстро же сдалась.

Даже до конца не дослушала...

— Ты, хотя бы, дослушай.

— Хотя бы?..

— Тогда: ты сначала дослушай.

— Это ведь то же самое.

— «Сначала» значит, сперва послушай, а потом уже говори.

— А, ну, ладно.

И хоть я и недавно решил для себя сделать эти слова табу.

Но процесс уже пошёл.

— Знаешь, сегодня же День матери.

— М? А, ну да, вроде бы, — как ни в чём не бывало подтвердила Сендзёгахара.

Похоже, я зря волновался.

Вот мы и подошли к моей проблеме.

— Так с которой из сестёр ты поссорился? У тебя их ведь две.

— А, ты же знаешь. Ну, скорее со старшей, хотя на самом деле с обоими. Что бы они ни делали они всегда и везде и при любых обстоятельствах вместе, абсолютное единение.

— Они ведь огненные сестры из Цуганоки.

— Ты и их прозвище знаешь...

Ну и дела.

Хотя мне не очень-то и нравится это прозвище моих сестёр.

— Они обе очень привязаны к матери, и она сама носится с ними как заботливая кошка, и...

— Ясно, — оборвала меня Сендзёгахара с видом, словно сказано уже достаточно. Так и не дождалась, пока я закончу. — И сегодня, в День матери, непутёвому старшему сыну не нашлось места в родном доме.

— Как-то так, да.

И пусть про непутёвого старшего сына было очередным оскорблением, сказанным как бы между прочим, однако это никакое не преувеличение, так что я молча проглотил её слова.

Не сказал бы, что мне не нашлось места.

Просто чувствую себя там неуютно.

— И ты уехал кататься по округе. Хм-м. Но я всё равно не понимаю. Почему это привело к ссоре с сёстрами?

— Рано утром, когда я уже собирался по-тихому улизнуть на велосипеде, меня поймала сестра. Мы поругались.

— Поругались?

— Сёстры, наверное, хотели отпраздновать вместе со мной, но я-то не могу.

— Не можешь, значит. Поэтому? — многозначительно повторила Сендзёгахара.

Наверное, хотела что-то этим сказать.

«Роскошная проблема».

Для Сендзёгахары, живущей без матери, это будет так.

— В средней школе девочки часто ненавидят своих отцов, так может, у парней так же с матерями?

— Эх... Нет, мне не трудно с ней, и я не ненавижу её, просто мне как-то неловко рядом с ней, да и с сёстрами, если честно, тоже...

«Братик, вечно ты такой».

«Всегда ты так...»

— Но, Сендзёгахара. Проблема не в этом. Ссора с сестрой, День матери, это неважно. Это не только сегодня, такое случается каждый праздник. Просто, знаешь...

— Что просто?

— Короче, сколько тут ни говори, но я сам не могу отпраздновать День матери, сам разозлился на слова сестры, которая младше меня на четыре года, это показывает насколько я ничтожен, но как бы это не раздражало, уже ничего не поделать.

— Хм-м... Запутанная проблема, — проговорила Сендзёгахара. — Настолько закручена, что преобразовалась в метапроблему, что-то вроде, что было раньше: курица или яйцо.

— Яйцо было первой.

— Спорно.

— Она не запутанная, а просто жалкая. Такая же ничтожная, как и я. Только подумаю, что мне придётся извиняться перед сестрой, то уже совсем не хочется возвращаться домой. Хоть всю жизнь в этом парке проводи.

— Не хочется возвращаться домой?..

Сендзёгахара вздохнула.

— Боюсь, мне не по силам справиться с твоей ничтожностью...

— Хоть бы попыталась...

— Конечно же, мне не по силам справиться с твоей ничтожностью...

— ...

Предсказуемо, но она сказала это таким жалостливым тоном, что я ещё больше погрузился в пучины отчаяния. Ну, я бы не назвал это таким уж отчаянием, но достаточно, чтобы усилить моё отвращение к себе.

— Вообще никудышный человек. Если уж беспокоиться, то я хотел бы волноваться о счастье человечества, о мире во всём мире. Но меня заботят только свои мелкие проблемки. Ненавижу.

— Мелкие...

— Можно сказать даже убогие. Это как раз за разом вытягивать омикудзи⁵ «малая удача», такая вот убогость.

— Тебе не стоит отрицать своё обаяние, Арараги-кун.

— Обаяние... Всё моё обаяние в вытягивании «малой удачи»?..

— Шутка. К тому же твоя ничтожность это не как вечно вытягивать «малую удачу».

— Хочешь сказать, в вытягивании «огромного несчастья»?

— Совсем нет. Это не так уж сильно... или скорее, некрасиво. Твоя ничтожность, Арараги-кун, это... — Сендзёгахара сделала паузу, дабы добавить веса своим словам, а затем высказала: — Это как вытянуть «огромную удачу», но вчитаться и понять, что ничего в целом хорошего там не написано, вот какая ничтожность.

Я осторожно обдумал и пронёс через себя смысл этих слов.

— Проклятая ничтожность! — крикнул я.

О таких ничтожностях я ни разу и слыхом не слыхивал... Придумала такое... Опять – или скорее, снова – понимаешь, насколько она зловещая.

— Но, если оставить в стороне твою маму, ссора с сестрой может оказаться довольно незначительной. Арараги-кун, ты ведь наверняка любишь своих сестёр.

— Мы только и делаем, что дерёмся.

Просто сегодня по-другому.

Но сегодня и день особый.

— Значит, они не милы твоему глазу, бедные младшие сестрёнки.

— Никакие они не бедные!

— А ещё это может быть обратным выражением любви. Ты сисконщик оказывается, Арараги-кун.

— Совсем нет. Любовь к своей младшей сестре – иллюзия парней, никогда не имевших сестры. В реальности такое невозможно.

— Ох. И ты, имея, так надменно высказываешься по отношению к лишённым, совсем не впечатляет, Арараги-кун.

...

Пойди разбери, что она хотела сказать...

— Те, кто говорят: «Деньги не проблема», «тян не нужны», «никому не нужно твоё образование», отвратно высокомерны.

— Младшие сёстры – совсем другое...

— Да. Так ты не сисконщик? И никогда бы не влюбился в свою младшую сестру?

— А как же.

— Вот оно как. Ты, Арараги-кун, скорее, сороконщик.

Сороконщик?

Это что за штука?

— Сокращение от брака по сорорату. Это как левират только с сёстрами, то есть, после смерти жены, ты женишься на её младшей и старшей сестре.

— Как всегда, блещешь впечатляющей эрудицией, но с чего бы мне вступать в этот самый сорорат?

— В твоём случае, у тебя появится сестрёнка, которая как бы не сестра. В общем, сначала девушка, не связанная с тобой по крови, будет звать тебя «братиком», затем ты женишься на ней, и она даже в браке будет продолжать так тебя называть, и вот мы и достигли действительно первоначального значения в реальной...

— Я будто специально свою первую жену убил! — отреагировал я прежде, чем Сендзёгахара успела полностью закончить, хоть до этого и не позволял себе так перебивать.

— Так вот, сороконщик...

— Пожалуйста, называй меня сисконщиком!

— Но ты ведь говорил, что не полюбишь свою кровную сестру.

— Сестру по долгу тем более не люблю!

— Тогда можно влюбиться в возлюбленную по долгу.

— Я же... Э? Какие это долги между возлюбленными?

Что за?

Но если подумать, «долг» очень даже подходит к отношениям влюблённых, так что особой ошибки нет, но кто же такой тогда кровный возлюбленный?... Стоп, мы снова ушли не туда...

— Да ты и в правду мелок, раз тебя задела такая шуточка.

— Ты совсем не стесняешься в выражениях.

— Я проверяла тебя.

— Чего это меня проверять... Стоп, ты всё это несерьёзно, что ли?

— Я трансформируюсь, когда серьёзна.

— Трансформируешься... Ух, я бы посмотрел!

Хотя, что-то мне не так уж и хочется...

Сендзёгахара приняла задумчивый вид.

— Довольно сильная реакция для такого мелкого человека. Интересно, это как-то связано? Но каким бы ты ни был, Арараги-кун, я тебя не брошу. Я буду обращаться с твоей ничтожностью как следует.

— Что за жалостливый тон...

— Я буду с тобой до конца. От западных гор до восточных морей, я стану для тебя лучом надежды даже в самой преисподней.

— Нет, ты, может, и выглядишь круто, но...

— Так, Арараги-кун, тебя что-нибудь беспокоит, помимо твоей ничтожности?

— ...

Она что, ненавидит меня?

Надо мной сейчас снова от души поиздевались?

Наверное, у меня уже паранойя...

— Да, вроде, ничего такого...

— Ничего, с чем у тебя проблемы, и чего бы ты хотел пожелать... Хм-м...

— И какое же оскорбление падёт на меня на этот раз?

— Ты замечательный.

— Это же вынужденная похвала!

— Ты баснословно замечателен, Арараги-кун.

— Так что необоснованн... Э, чего? Башня словно?

— Усиленная форма замечательный. Не знал?

— Не знал... И чего это ты разбрасываешься такими старинностями, чтобы похвалить меня? Подозрительно...

Она, конечно, расписала меня от души, но мы же только что говорили о моей ничтожности.

— Да нет, просто подумала, что тебе захочется, чтобы я неделю общалась без оскорблений, вот и решила действовать наперёд.

— Думаю, у тебя всё равно бы не получилось.

Это равно, что запретить дышать или остановить биение сердца.

Да и если она прекратит на неделю свои оскорбления, это уже будет не та Сендзёгахара, и вряд ли я получу от этого какое-то удовлетворение... Стоп, чего это я рассуждаю, словно уже не могу без её ругани?

Опасно...

— Ну и ладно... Однако, знаешь, как только мы исключили всё, связанное с эротикой, то тут же остались вообще без идей, удивительно.

— Это, конечно, так, но у меня и до исключения идей не было.

— Понимаю, Арараги-кун. Можешь попробовать что-нибудь эротичное. Клянусь именем Сендзёгахары Хитаги, я исполню это.

— ...

Интересно, она вправду ждёт чего-то от меня...

Эх, это прямо перенеловкость какая-то... Что же делать.

— Правда ничего? Может, пожелаешь, помощь по учёбе?

— Я уже забил на это. До выпуска, если получится.

— Тогда, может, выпуститься?

— И без тебя нормально справлюсь!

— Тогда нормально?

— Ты поссориться хочешь?..

— Тогда так... — Сендзёгахара сделала паузу, выбрала подходящий момент и проговорила:

— Может, пожелаешь девушку?

— ...

Что я там говорил о перенеловкости?

Как-то размыто.

— Если и пожелаю... Что произойдёт?

— Появится девушка, — спокойно ответила она. — Только и всего.

— ...

Ага...

Если задуматься, то ничего другого и не сказать.

Если честно, вообще ни черта не соображаю... Всё-таки использовать человека, который чувствует себя обязанным тебе, как-то неправильно. Дело не в морали и нравственности, просто чувствую, что это нехорошо.

Мы же не влюблённые по долгу какие.

Чувствую, что теперь немного понял, о чём говорит Ошино.

Каждый сам себя спасает, да?

С точки зрения Ошино всё, что я сделал для Сендзёгахары, для старосты и для той женщины, в смысле, того демона из весенних каникул, совсем не правильно и не благородно.

Проблема Сендзёгахары разрешилась, и не благодаря кому-то, а лишь из-за её искренних чувств.

А теперь этот смысл исказится.

Если я пожелаю чего-то.

— Нет, ничего такого.

— Хм-м. Хорошо.

Был ли в самом деле в её словах скрытый смысл, а если и был, то какой, мы уже не узнаем — по ответу Сендзёгахары ничего не понять.

— Ладно, тогда просто купи мне сока. И мы в расчёте.

— Вот как. Бескорыстный.

«И правда замечательный», — заключила Сендзёгахара.

Звучало так, словно наш разговор уже подошёл к концу.

И тогда.

Я поглядел прямо. Мне показалось, что я как-то слишком долго пялюсь на лицо Сендзёгахары, потому сделал это специально или, скорее даже, смущённо. А там...

Там стояла девочка.

Девочка с огромным рюкзаком на спине.

Примечания

1. Сокращение от mountain bike.
2. Сайяны - раса воинов из вселенной Драгон болл.
3. Дракон, исполняющий желания и призываемый с помощью Совершенных Драгон Боллов.
4. Чем-то похоже на аниме «Корректор Юи».
5. Гадание через свернутые бумажные полоски, в которых написан ваш уровень удачи: от огромной удачи до огромного несчастья.

Девочка, на вид уже заканчивает начальную школу, стоит в углу парка, у стального стенда, и изучает вывешенную там карту. Стоит к нам спиной, потому я не вижу её лица, но этот впечатляюще огромный рюкзак на спине я тут же вспомнил. Да, эта девочка, ещё до того, как пришла Сендзёгахара, так же стояла перед картой. Тогда она сразу вышла, но, похоже, решила вернуться. В руке у неё какой-то блокнот, она сравнивает его содержимое с картой.

Хм-м.

В общем-то, похоже, она потерялась. Наверняка у неё там в блокноте нарисовано как пройти или записан адрес.

Я пригляделся.

На карточке, пришитой к рюкзаку, написано толстым фломастером: «五年三組八九寺真宵».

«真宵»... это, наверное, «Маёй».

Но вот «八九寺»... Как читается фамилия? «Якудера», что ли?..

С японским у меня не очень.

Раз так, то чего бы не спросить знатока?

— Эй, Сендзёгахара. Видишь, там девочка стоит перед стендом? Как читается её фамилия? На рюкзаке написано.

— А? — растерялась Сендзёгахара. — Не вижу ничего.

— А...

Вот как.

Как беззаботно.

У меня-то уже не обычное тело, да и вчера, в субботу, я давал Шинобу *пить* свою кровь. Хотя и поменьше, чем на весенних каникулах, но сейчас мои физические данные значительно выше человеческих. И острота зрения не исключение. Немного не подрассчитаешь и уже спокойно видишь с любого расстояния. От этого, конечно, особых проблем нет, но видеть то, что не видят другие — как-то не по себе от такого.

Дисгармония с окружением.

Такая же проблема была и у Сендзёгахары.

— Ну... Там китайские числовые иероглифы «восемьдесят девять», а после «храм», в общем, «восемьдесят девятый храм»...

— М? Ну, это «Хачикудзи».

— «Хачикудзи»?

— Ага. Арараги-кун, ты не умеешь читать такие последовательности кандзи? Как ты с такими способностями детский сад-то окончил.

— Да я окончу детский сад с закрытыми глазами!

— Слишком ты себя переоцениваешь.

— Опять всё на меня?!

— Твоё высокомерие не впечатляет.

— А вот ты нехило так...

— Серьёзно, будь у тебя хоть немного интереса к истории и старинным книгам, то есть, будь у тебя хоть капля любознательности, ты бы и сам смог прочитать это. На твоём месте меня бы на всю жизнь не покидало чувство стыда, и неважно спросила бы я о таком или нет.

— Эх, да-да. Всё равно я неуч.

— Думать, что сознавать лучше, чем не сознавать, — большая ошибка.

— ...

Похоже, я сейчас что-то не так сделал.

И получил...

— Блин... А, ну да ладно. Тогда «Хачикудзи Маёй»... Хм-м.

Странное имя.

Ну хотя, наверное, пораспространённой, чем «Арараги Коёми» или «Сендзёгахара Хитаги». Ладно, всё равно так раздумывать о чужих именах не очень красиво.

— Эм...

Я посмотрел в сторону Сендзёгахары.

Хм.

Думается, она не из тех, кто млеет от вида детей... Так и вижу, как она спокойно кидает укатившийся мяч в противоположную сторону. Или даёт пинка ребёнку, потому что тот слишком громко плачет.

Так что, наверное, безопасней пойти одному.

Была бы это не Сендзёгахара, то стоило бы взять с собой девушку, чтобы успокоить ребёнка.

Но как уж есть.

— Эй, подождёшь здесь немного?

— Ладно, но куда это ты собрался, Арараги-кун?

— Поговорю с той школьницей.

— Брось это. Тебя ждёт только боль и страдания.

— ...

Реально, она спокойно говорит такую жуть.

Ну ладно, об этом позже.

А сейчас эта девочка.

Хачикудзи Маёй.

Я поднялся со скамейки и легонько побежал к противоположной стороне площадки — туда, где перед стендом с картой стоит девочка с рюкзаком. Она так погрузилась в сравнение карты и содержимого блокнота, что не заметила, как я подошёл сзади.

Когда до неё остался один шаг, я позвал.

Насколько мог мирно и дружелюбно.

— Даров. Потерялась?

Девочка повернулась.

У неё чёлка по брови и два хвостика.

Выглядит довольно сообразительной.

Девочка... Хачикудзи Маёй, сперва изучающе поглядела на меня, а потом выдала:

— Не говорите со мной, пожалуйста. Ненавижу вас.

— ...

...

Походкой зомби я вернулся к скамейке.

У Сендзёгахары было странное выражение на лице.

— Ну как? Что случилось?

— Боль и страдания... только боль и страдания...

Получил неожиданно много урона.

Тридцать секунд на восстановление.

— Схожу ещё разок.

— Но куда? Зачем?

— Не видишь, что ли? — сказал я и приступил к попытке номер два.

Хачикудзи вернулась к разглядыванию стенда, будто я к ней и вовсе не подходил. Сверяет свой блокнот. Я подглядел через плечо — содержимым оказалась не карта, а адрес. Я такого не знаю, но, наверное, это где-то здесь.

— Эй, привет.

— ...

— Ты же потерялась? Куда тебе надо?

— ...

— Дашь свой блокнот?

— ...

— ...

...

Походкой зомби я вернулся к лавке.

— Ну как? Что случилось?

— Не обратила внимания... Меня проигнорила школьница...

Получил неожиданно много урона.

Тридцать секунд на восстановление.

— Вот сейчас... Схожу.

— Арараги-кун, я не очень понимаю, чем ты занимаешься и что собираешься делать...

— Не парься... — сказал я и начал попытку номер три.

Хачикудзи стоит перед стендом.

Как говорится «кто первый, тот и выиграл», потому я шлёпнул ей ладонью по затылку. Похоже, она совсем не следила за окружающим: девочка со всей силы приложилась лбом о стенд.

— Т-ты чего творишь!

Повернулась.

Отлично.

— Да любой обернётся, если его со спины ударить!

— Ну... Виноват, да.

Я что-то подрастерялся от вернувшегося шока.

— Но знаешь что? А ведь кандзи «удар», входит в кандзи «жизнь».

— И что дальше-то?!

— Жизнь воссияет от удара.

— У меня это сияние из глаз посыпалось!

— Ну вот...

Обдурить не получилось.

Жаль.

— Просто похоже, что у тебя проблемы, вот и я решил: может, смогу помочь.

— Кто вообще ни с того ни с сего бьёт девочек по голове, чтобы помочь?! Таких людей просто нет!

А она что-то вдруг насторожилась.

Но понять можно.

— Ну, прости. Мне очень жаль, правда. Ну, меня Арараги Коёми зовут.

— Коёми? Имя как у девчонки.

— ...

Сказанула...

Такое не часто услышишь при знакомстве.

— Девкой таранит! Не приближайтесь, пожалуйста!

— Слышать такое от девушки, хоть и школьницы, ладно, перетерпим...

Хорош.

Спокойствие, только спокойствие.

Для начала доверие, вот что.

Пока ситуация не улучшится, разговор не пойдёт.

— Так, а тебя-то как звать?

— Хачикудзи Маёй. Меня зовут Хачикудзи Маёй. Папа и мама дали мне это ценное имя.

— Хм-м...

Похоже, то прочтение оказалось верным.

— Но всё равно, не говорите со мной, пожалуйста! Я ненавижу вас!

— Чего это?

— Вы меня по затылку ударили!

— Так ты так говорила ещё и до удара.

— Тогда это карма из прошлой жизни!

— И за что же такая ненависть?

— В прошлой жизни мы были заклятыми врагами! Я была прекрасной принцессой, а вы — злым повелителем демонов!

— А чего ж только ты это помнишь, а?

Не стоит говорить с незнакомцами.

Игнорируй незнакомцев, пытающихся с тобой заговорить.

В наше время во всех начальных школах вдалбливают это ученикам... Ну а может, у меня просто вид такой, который дети не любят.

Всё равно как-то расстраивает, когда ребёнок тебя ненавидит.

— Ладно, давай успокоимся. Я тебе не наврежу. Я мухи не обижу, к тому же, живу здесь, где ещё такого найдёшь?

Это не совсем так, но можно и немного преувеличить, чтобы поладить с ней. С детьми, да и не только, выгоднее казаться открытым и простым. Убедило ли это Хачикудзи или нет, но она что-то промышала с серьёзным видом и сказала:

— Хорошо. Я немного доверюсь вам.

— Всё-таки сработало.

— Так вот, Мухи-сан...

— Мухи-сан?! Это я, что ли?!

Ну и дела...

Это, конечно, несколько необычный фразеологизм, однако она куда-то половину потеряла и обратила всё это в такую презренную кличку... а я до сих пор использовал такое и ни о чём не думал. Да вот только если вдуматься, то я же сам так себя и называл...

— Он кричал на меня! Страшно!

— Нет, за крик, конечно, прости, но «мухи» это жестоко! Тут любой закричит!

— Вот как... но вы ведь сами начали. Я просто честно повторила.

— В этом мире тебе не будет всё сходиться с рук, если ты сделаешь что-то честно....

На самом-то деле я имел ввиду «всем живым существам» и ничего такого оскорбительного не вкладывал, но... Но тем не менее.

— В общем, нехорошо сокращать такое.

— А-а. Вот как. Ясененько. Прямо как со словом «ужаскошмар». Есть те, кто очень волнуются и кричат не своим голосом «ужаскошмар!», а есть те, кто в представлении добавляет «один мужчина делал ужасные вещи со мной...», вот примерно так же.

— Ну не знаю... Не особо представляю тех, кто очень волнуются и кричат «ужаскошмар!»...

— Так как вас называть?

— Лучше по нормальному.

— Тогда, Арараги-сан.

— О, нормально. Отлично.

— Я ненавижу вас, Арараги-сан.

— ...

Ничего, похоже, не улучшилось.

— Таранит! Не подходите, пожалуйста!

— Да это ж хуже, чем девкой!

— М-м... Таранит правда звучит как-то жестоко. Исправлюсь.

— О, да, прошу.

— Притаранит! Не подходите, пожалуйста!

— Смысл-то совсем другой!

— Да какая разница! Просто уйдите куда-нибудь, пожалуйста!

— Ну... Так ты потерялась?

— Всё под контролем! Я привыкла к трудностям! Это самая обычная вещь для меня! Я travelmaker, вот!

— Турагент, что ли?! В таком возрасте?!

Если это действительно правда, то она, наверное, вовсе и не потерялась.

— Да ладно тебе, не надо хорохориться.

— Никакие хоро тут не хорятся!

— Да какая хоро.

— Вот! Выкуси!

Тут же с этими словами Хачикудзи развернулась ко мне и выдала хай-кик¹, в который вложила весь вес своего тела. Даже и не представлял, что школьница способна на такой идеальный удар — словно выведен по прямой линии. Но, увы, разница в росте младшеклашки и старшеклассника очевидна. И эту разницу не преодолеть. Хай-кик Хачикудзи, предназначенный, скорее всего, в лицо, большей частью пришёлся мне где-то в бок. Удар ботинком в бок, конечно, чувствителен, но я бы не назвал этот урон нестерпимым. Я же, не теряя ни секунды, схватил Хачикудзи обеими руками за лодыжку.

— Прекратите! — вскрикнула Хачикудзи, но уже слишком поздно.

...Позже спрошу у Сендзёгахары насколько грамматически правильно это «прекратите», а пока Хачикудзи застана врасплох и стоит на одной ноге, я, словно редьку в поле, безжалостно изо всех сил потянул её ногу вверх. В дзюдо есть такой вид броска. В дзюдо это посчитали бы фолом, но у нас здесь не матч какой-нибудь. Когда тело Хачикудзи приподнялось над землёй,

сокрытое юбкой открылось под довольно широким углом, но я не лоликонщик и не обратил внимания на такую мелочь. Тут же сделал бросок.

Однако здесь разница в росте сыграла в противоположном направлении. Для малорослой девочки время полёта, то есть, пока она ещё не ударится о землю, будет немного дольше, чем для человека одного со мной роста, лишь немного. Однако за эти «лишь немного» Хачикудзи сообразила и ухватила свободной рукой за мои волосы. Шевелюру я по известной причине отращиваю, так что даже маленькие пальчики младшеклассницы смогли легко их сцапать.

Хачикудзи не такая примерная девочка, чтобы остановиться только на этом. Продолжая висеть на моей спине, она, не дожидаясь приземления, резко развернулась по моей лопатке и тут же ударила мне в голову. Удар. Однако — слишком слабый. Она не стояла на земле, а без опоры сила удара уменьшается в разы. Вот и раскрылась вся разница в возрасте и боевом опыте. Я не спешил с концом, сейчас можно всё разрешить и окончить одним спокойным ударом. И тогда настанет возмездие. Картина моей победы.

Я схватил руку, с которой пришёл удар, по ощущениям левая, хотя нет — она же вверх ногами — значит, правую, и снова сделал бросок!

На этот раз — удачно.

Хачикудзи хлопнулась спиной о землю.

Я отскочил, предупреждая ответную атаку...

Но она не собирается подниматься.

Победа.

— Ну что, дурёха, правда думала, что младшеклашка сможет победить старшеклассника?! Буга-га-га-га-га!

У нас тут старшеклассник, который всерьёз дрался с младшеклассницей, всерьёз бросил её через плечо и всерьёз радуется этому.

Я.

Неужто Арараги Коёми из тех, кто с хохотом издевается над младшеклашками?.. Меня воротит от самого себя.

— Арараги-кун... — позвал меня холодный голос.

Я обернулся — там стояла Сендзёгахара.

Похоже, не могла больше спокойно смотреть на это и подошла.

Лицо её было полно сомнений.

— Я, конечно, сказала, что буду с тобой и в аду, но это с твоей ничтожностью, с болезнью это совершенно другое, не пойми неправильно.

— Я всё объясню...

— Прошу.

— ...

Как тут объясниться.

Ничего не приходит.

Так что просто сменю тему.

— Ну, на пока оставим всё это в прошлом, она... — сказал я и указал на всё ещё неподнимающуюся Хачикудзи.

Ну, упала-то она на спину, но рюкзак должен послужить ей хорошей подушкой, так что, думаю, всё нормально.

— В общем, она потерялась. Не похоже, чтобы она была с родителями или друзьями. А, я сидел в этом парке с самого утра, и до того, как ты пришла, я уже видел её у этого стенда. Тогда я не придавал этому значения, но времени прошло уже прилично, а она снова здесь, не значит ли это, что она правда потерялась? Не очень хорошо, наверняка сейчас о ней кто-нибудь волнуется, так что, думаю, помощь тут не помешает.

— Хм-м...

Сендзёгахара согласно кивнула, однако лицо её по-прежнему наполнилось сомнениями. Так и вижу, как она хочет спросить, что это за потасовка здесь происходила, но внятного ответа у меня нет.

— Да.

— Чего?

— Нет, теперь ясно... Поняла, что происходит.

Интересно, она и правда поняла?

Или только притворилась.

— А, точно, Сендзёгахара. Ты же когда-то здесь жила? Раз так, то, наверное, узнаешь адрес, если я спрошу?

— Это, ну... Не больше, чем любой другой.

Как-то уклончиво.

Наверное, всё происходящее виделось как жестокое обращение с ребёнком. Это же даже на порядок хуже, чем лоликонщик.

— Эй, Хачикудзи. Ты же уже очнулась и просто делаешь вид, что потеряла сознание. Покажи-ка этой девушке свой блокнот.

Я присел и поглядел Хачикудзи в лицо.

Глаза закатаны.

И правда потеряла сознание...

Глаза реально закатаны...

— Что такое, Арараги-кун?..

— Да ничего...

Тайком, чтобы Сендзёгахара не заметила, я заслонил лицо Хачикудзи спиной и похлопал девочку по щекам. Конечно же, не чтобы побольше поиздеваться, а чтобы привести в чувство.

Хачикудзи очнулась.

— М-м... Я, кажется, видела сон.

— Ох, вот как. И какой же это был сон? — принял я вид старшего братика. — Расскажи, Хачикудзи-тян. Какой ты видела сон?

— Сон, в котором злой старшеклассник издевался надо мной.

— Думаю, это всего лишь сон...

— Ясно. Всего лишь сон, да?

Всё это происходило до того, как она потеряла сознание.

Чувство вины разрывает мою грудь.

Я взял блокнот Хачикудзи и передал его Сендзёгахаре, однако та даже не шевельнулась. Она просто смотрела на протянутую руку таким холодным взглядом, который, кажется, уже перешёл точку замерзания.

— Ну что? Возьми.

— Как-то не хочу к тебе прикасаться.

Эх.

Снова привычные оскорбления, шикарно...

— Тогда просто возьми блокнот.

— Не хочу прикасаться к тому, чего касался ты.

— ...

Ненавидит...

Сендзёгахара-сан меня ненавидит...

Вот так... А вот совсем недавно всё было так хорошо и дружно...

— Ясно-понятно... Тогда я прочитаю вслух. Э-эм...

Я зачитал адрес, написанный в блокноте. К счастью, там не оказалось каких-то сложных кандзи, и я смог нормально прочитать.

— Хм, — протянула она. — Знаю, где это.

— Это бы очень помогло.

— Вроде бы, надо пройти немного дальше моего старого дома. Хотя я не знаю тут всё досконально, но уверена, что почувствую, когда мы окажемся рядом. Что ж, вперёд?

С этим Сендзёгахара быстро развернулась и большими шагами направилась к выходу из парка. Я думал, она не станет вести ребёнка и изольёт ещё больше злословия, но она вдруг взялась за это... хотя, Сендзёгахара не представилась Хачикудзи, какой там, она даже не посмотрела на неё, наверное, всё-таки мои ожидания оправдались, и Сендзёгахара не любит детей. Или она же хотела «чем-то одним» отплатить мне, вот, наверное, и посчитала это моей просьбой.

Эх.

Коль так, то я всё проворонил...

— Ну ладно... Пошли, Хачикудзи.

— Э... Куда?

На лице Хачикудзи читалось непонимание.

Не смогла включиться в разговор?

— Так по адресу из блокнота. Вон та девушка знает, где это, и проводит нас. Круто же.

— А-а... Проводит, значит?

— М-м? Ты же потерялась, нет?

— Да, потерялась, — честно призналась Хачикудзи. — Потерявшаяся улитка.

— А? Улитка?

— Да, я...

Она потрясла головой.

— Я, ничего такого.

— Ну вот. Э-эм, тогда пошли догоним её. Её зовут Сендзёгахара. Соответствуя имени, с ней довольно трудно, но если попривыкнешь, то прекрасно поймёшь, что она на самом деле честный и хороший человек. Даже слишком честный.

— ...

— Вот же. Пойдём быстрее.

Хачикудзи всё не двигалась, и я схватил её за руку и потянул, скорее даже поволок, за Сендзёгахарой. Хачикудзи завывала словно морской котик или даже тюлень и пару раз чуть не падала, но следовала за мной.

Заберу горный велосипед позже.

Вот мы и покинули парк 浪白.

Так и не узнал, как это читается.

Примечания

1. Удар ногой в голову.

Немного отвлечёмся на рассказ о весенних каникулах.

Весенние каникулы.

На меня напал вампир.

Ну, не совсем напал, скорее, я сам напоролся... Да, буквально напоролся на клыки, но как бы то ни было, в эпоху, когда мир освещён ослепляющим светом науки, на меня, Арараги Коёми, в самом захолустье Японии напал вампир.

Прекрасный демон.

Прекрасный настолько, что кровь стыла в жилах.

Испил мою кровь до дна.

Так я стал вампиром.

Звучит как шутка, но мне совсем не смешно.

Моё тело горело на солнце, страшилось крестов, слабело от чеснока и плавилось от святой воды, всё это в обмен на взрывные физические способности. А после моя жизнь обратилась адом. И вытащил меня из этого ада проходящий мимо мужик — Ошино Мэмэ. Вряд ли его можно назвать благоразумным взрослым: бродит с места на место, не имея постоянного дома. Он легко усмирил вампира и все последствия его пребывания.

И я снова стал человеком.

Скромная часть тех способностей — вроде повышенной регенерации и метаболизма — у меня сохранилась, но к солнцу, крестам, чесноку и святой воде я теперь спокоен.

Ну, не особо впечатляющая история.

Даже не «жил он долго и счастливо».

Всё уже разрешилось и окончилось. Осталось лишь пара неудобств: раз в месяц у меня пьют кровь, и каждый раз острота зрения и тому подобное превышают человеческие, но это касается только меня, и вся моя оставшаяся жизнь уйдёт на разрешение этого.

А так, мне ещё повезло.

Всё-таки это продолжалось не дольше весенних каникул.

Лишь две недели ада.

У Сендзёгахары по-другому.

Сендзёгахара Хитаги.

Девушка, повстречавшая краба.

Больше двух лет она терпела искажённость тела.

Эта искажённость ограничивала большую часть её свободы.

Больше двух лет ада... Даже не представляю её чувств.

Так что, наверное, неудивительно, что Сендзёгахара испытывает такую даже излишнюю благодарность ко мне... В любом случае искажённость тела могла разрешиться лишь вместе с искажённостью чувств, а ей так сложно что-либо изменить, потому и было практически недостижимо.

Чувства.

Душа.

О таком ни с кем не поговоришь, этого никто не поймёт. Проблемы души сковывают отношения, а скорее даже вбивают клин между людьми, гораздо сильнее, чем любые трудности тела.

Я тут говорил «спокоен», но вот по утрам, когда солнечные лучи пробиваются в щель штор, до сих пор испытываю тот же страх.

Знаю я и ещё одного человека, старосту нашего с Сендзёгахарой класса, Ханэкаву Цубасу, она тоже обязана Ошино... её случай продлился на пару дней короче моего, к тому же она потеряла память. В каком-то смысле у неё самое удачное положение. Тем не менее, пока не вспомнишь об этом самом смысле, то у Ханэкавы вовсе и не было никакого спасения...

— Здесь.

— А?

— Он был здесь. Мой старый дом.

— Дом...

Я поглядел, куда указывала Сендзёгахара, но там...

— Но тут дорога...

— Дорога.

Превосходное шоссе. Асфальт ещё свежий — выходит, его проложили совсем недавно. То есть, другими словами...

— Застроили?

— Перепланировка.

— Ты знала?

— Не знала.

— Где же всё удивление?

— Я не позволю своим чувствам излиться наружу.

Она реально и бровью не повела.

Но по тому, как она не отрываясь глядела на это место, можно прочесть то беспомощное чувство потери места, куда можно пойти.

— И правда... полностью переменялось. А ведь и года не прошло.

— ...

— Как скучно.

Специально пришла сюда.

И пробормотала это.

Действительно скучно.

Всё равно, помимо «привыкания» к новой одежде, Сендзёгахара пришла сюда, преследуя одну важную цель, которую, можно сказать, сейчас выполнила.

Разворот.

Хачикудзи Маёй, спрятавшись за мою ногу, тихонько наблюдала за Сендзёгахарой. Словно из предосторожности, девочка до сих пор не проронила ни слова. Хотя и ребёнок, или именно потому, что она ребёнок, Хачикудзи интуитивно чувствовала в Сендзёгахаре большую, чем во мне, угрозу, поэтому уже какое-то время она мной, словно стеной, отгораживалась от Сендзёгахары. Ну, это видно невооружённым глазом: просто так люди не закрываются друг от друга, к тому же, она явно избегает даже глядеть на Сендзёгахару, так что я чувствую себя третьим лишним, хотя Сендзёгахара и сама полностью игнорирует Хачикудзи (когда говорила «сюда» или «пойдём здесь», то обращалась исключительно ко мне), так что обе хороши.

Ну и жутко же оказаться между этими двумя.

Однако, учитывая всю эту ситуацию, если спросить, думаю, Сендзёгахара ответит скорее «не знаю», чем «не люблю детей» или «мне трудно с детьми».

— Его продали, и я, конечно, не думала, что дом останется, но... проложить здесь дорогу. Навевает грусть.

— Ну... по-другому не бывает.

Мне оставалось лишь согласиться.

Не хватает воображения.

По всему пути от парка смешались старые и новые дороги, да и карта на стенде как-то сильно отличается от реальной разметки... Я здесь не особо-то ориентируюсь, так что уже как-то подрастерял весь свой пыл.

Ничего не поделаешь.

Города меняются, как и люди.

— Фух, — Сендзёгахара глубоко выдохнула. — Это заняло слишком много времени. Пойдём, Арараги-кун.

— М-м... Ты в порядке?

— В порядке.

— Ну хорошо. Пошли, Хачикудзи.

Хачикудзи молча глубоко кивнула.

...Наверное, думает, что голосом может выдать своё местонахождение Сендзёгахаре.

Мы пошли, я и Хачикудзи.

— Кстати, было бы неплохо, если б ты отпустила мою ногу, Хачикудзи. Идти же неудобно. Ты прям Дакко-тян¹ какая-то.

— ...

— Скажи что-нибудь. Хорош молчать.

Под моим давлением Хачикудзи наконец заговорила:

— Арараги-сан, я цепляюсь к твоей великанской ноге вовсе не потому, что мне этого хочется!

С силой отлепил её.

Оглушительное «чпок!» — могло бы прозвучать, но нет.

— Это жестоко! Я в РТА пожалуюсь!

— Э-э. РТА?

— РТА это суперорганизация! Любой несовершеннолетний бессилен против них, они тебя одним пальцем уделают!

— Пальцем? Боюсь-боюсь. Кстати, сама-то знаешь, что этот РТА значит?

— Э? Ну...

Хачикудзи снова замолкла — похоже, не знает.

Хотя я не лучше.

Ну, на этом закончим сей докучливый спор.

— РТА — это Parent-Teacher Association. Означает собрание учителей и родителей, — ответила спереди Сендзёгахара. — Есть ещё из медицины «подкожная транслюминальная ангиопластика», но не думаю, что ты спрашивал об этом, так что собрание учителей и родителей верней.

— Э-э. У меня было смутное чувство, что здесь замешаны родители, но приплести сюда и учителей... Сендзёгахара, ты настоящий эрудит.

— Просто ты полнейший профан, Арараги-кун.

— Про профана я не в силах возражать, но полнейший это уже лишнее...

— Правда? Тогда заменим на «ужаснейший».

Даже не обернулась.

Похоже, она не в настроении...

Сторонний человек вряд ли почувствует разницу между нынешней Сендзёгахарой и Сендзёгахарой, сыплющей свои обычные оскорбления, но я, после продолжительных душевых процедур её брани, каким-то образом уловил различие. И дело не в её словах. Просто обычно, или даже когда она в хорошем настроении, Сендзёгахара наседает куда сильнее.

Хм-м.

Что же такое.

То ли потому, что её дом теперь стал дорогой... То ли опять я виноват.

А может и всё сразу.

Ладно, помимо всего этого жестокого обращения с детьми, наш разговор с Сендзёгахарой прервался на середине из-за Хачикудзи... Сендзёгахара же сама начала тот разговор, думаю, нормально, что у неё беспокойно на сердце.

Ну, раз такие пироги, то нужно проводить эту девочку, Хачикудзи Маёй, а потом изо всех сил постараться приподнять настроение Сендзёгахаре. Можно пообедать вместе, или сводить её по магазинам, или, если останется время, можно сходить куда-нибудь повеселиться. О да, отлично. Из-за сестры возвращаться домой не вариант, так что почему бы сегодняшний день не провести с Сендзёгахарой? К счастью, у меня сейчас достаточно с собой... Эй, это что за раболепие?!

Сам себя поражаю.

— Кстати, Хачикудзи.

— Слушаю, Арараги-сан.

— Этот адрес....

Вытащил блокнот из кармана.

Который всё ещё не вернул Хачикудзи.

— Это что вообще за место?

И что ты там ищешь.

Мне, как провожающему, хотелось бы узнать. Не говоря уже о том, что веду девочку, гуляющую одну.

— Хм-м. Не скажу! Воспользуюсь правом хранить молчание!

— ...

Вот же нахалка.

Кто вообще сказал, что дети чисты и невинны?

— Не расскажешь — не пойду с тобой.

— А я и не просила. Сама дойду.

— Но ты же потерялась?

— Ну и что?

— Знаешь... Хачикудзи, на будущее: нет ничего зазорного в том, чтобы попросить кого-нибудь.

— Это подходит только слабовольным людям, вроде тебя, Арараги-сан. Можешь хоть до пенсии полагаться на других. А мне не нужно. Для меня это как обычный торговый автомат!

— Э-э... Ну и какие сегодня расценки? — невпопад поддакнул я.

Ну, с точки зрения Хачикудзи, я, вполне возможно, просто сую нос не в своё дело. В начальной школе, я тоже верил, что могу всё сам. Был уверен, что мне нет нужды просить чьей-то помощи, или скорее, что мне ни за что не понадобится чужая помощь.

«Могу всё сам».

Такое.

Попросту невозможно.

— Я понял, барышня. Прошу, расскажите мне, что же находится по этому адресу, пожалуйста.

— Ни грамма искренности.

Вот же упрямица.

У меня две сестры-среднеклассницы, и они обычно клюют на эту удочку... Хотя, у Хачикудзи такой сообразительный вид, так что, наверное, лучше не стоит относиться к ней как к глупому ребёнку. Ну и что же делать?

— Э-эм...

Идея.

Я достал из заднего кармана бумажник.

У меня же достаточно с собой.

— Миледи, а если я дам денег на карманные расходы?

— Ура-а! Что угодно расскажу!

Глупый ребёнок.

Не, реально глупый...

Думаю, история ещё не знает детей похищенных таким способом, но у Хачикудзи, похоже, есть все шансы стать первой.

— По этому адресу живёт Цунаде-сан.

— Цунаде? Это фамилия такая?

— Прекрасная фамилия! — как-то даже агрессивно ответила Хачикудзи.

Понимаю, неприятно, когда о имени твоего знакомого так отзываются, но вот кричать совсем не нужно. А то истеричкой могу назвать, или чем похуже.

— Хм-м... Так вы как-то знакомы?

— Родственники.

— Родственники, значит.

Выходит, она одна идёт в гости к родственникам. Или родители совершенно не следят за ней, или Хачикудзи тайком сбежала, не уведомив папу с мамой. Хотя истоков мы не знаем, но вне всяких сомнений воскресное приключение этой девочки потерпело крах на полпути.

— Она тебе близкая кузина? Судя по этому рюкзаку, у тебя вышла нехилая прогулка? Вообще, такое лучше устраивать на Золотой неделе. Или у тебя есть особая причина, что ты пошла сегодня?

— Что-то типа.

— Впредь лучше проводи День матери дома, с родителями.

Хотя.

Кто бы говорил.

«Братик, вечно ты такой».

Ну такой. Что плохого-то?

— Не хочу говорить об этом с тобой, Арараги-сан.

— Да будто ты что-то знаешь!

— Кое-что да знаю.

— ...

Без причины, просто слушать мои нравоучения ей будто физически неприятно.

Жестоко.

— Арараги-сан, ты сам-то чем там занимался? Сидел, ничего не делая, в воскресенье утром на скамейке в парке, не думаю, что приличные люди таким занимаются.

— Да ничем. Просто...

Чуть было не сказал «время убиваю», но решил остановиться. Да, «человек, отвечающий на вопрос, чем он занимается «убиваю время», никчёмен». Опасно.

— Просто туринг.

— Туринг, значит. Круто.

Похвалила.

Я уж думал, последует что-нибудь жестокое, но обошлось.

Значит, Хачикудзи и похвалить может...

— Ну, на велосипеде только.

— Вот как? Ну раз туринг, то ничего кроме велосипеда не подходит. Ужасно печалит. Арараги-сан, а прав у тебя нет?

— К сожалению, по школьным правилам нам нельзя получать права. Но, как ни крути, а велик это довольно опасно, по мне лучше машина.

— Вот как? Но тогда это будет уже форинг.

— ...

Ух, занятная ошибочка с турингом... Поправить или оставить так, что добрее?.. Я не в силах решить.

Сендзёгахара, кстати, никак не отреагировала и спокойно продолжала идти.

Даже не пытается присоединиться к разговору.

Наверное, такие низкоинтеллектуальные разговоры не для её ушей.

Хотя.

Я впервые увидел беззаботную улыбку на лице Хачикудзи Маёй, причём довольно обаятельную. Чистая улыбка, словно от самого сердца. Это такая улыбка, о которой обычно говорят «подобна распутившемуся подсолнуху», и которую большинство людей теряют с возрастом.

— Уф... Так, значит.

Ещё немного и было бы довольно опасно. Будь я лоликонщиком тут же бы влюбился. Хвала богам, я не лоликонщик...

— Ну и запутанные здесь дороги. Что вообще за структура? Ты как одна-то здесь собиралась идти?

— Мне не впервой.

— Ясно. Чего ж тогда потерялась?

— Это было давно... — как-то пристыженно проговорила Хачикудзи.

Хм... Но, наверное, так и есть. То, что ты думаешь, что можешь, и что можешь на самом деле — разные вещи. Когда думаешь, лишь думаешь. Это одинаково для младшеклассника и старшеклассника, для всех возрастов без исключения.

— Слушай, Арараги-сан...

— «Ра» не многовато?!

— Извини. Оговорилась.

— Не надо делать таких жестоких оговорок...

— Это нормально. Любой может заговориться. Или ты с самого рождения никогда не оговаривался, а, Арараги-сан?

— Подтвердить не могу, но я, хотя бы, не оговаривался в чужих именах.

— Тогда повтори «басу гасу бакухацу» три раза.

— Это вообще не имя.

— Нет, имя. Я знаю троих с таким. Думаю, оно очень даже популярное.

Сама уверенность.

Детская ложь такая очевидная.

Просто поражает.

— «Басу гасу бакухацу», «басу гасу бакухацу», «басу гасу бакухацу», — выговорил я.

— Какое животное ест сны? — тут же спросила Хачикудзи.

Неожиданно начался «вопрос за десять раз»².

— Баку³?..

— Хе-хе. Ошибся, — с торжествующим видом провозгласила Хачикудзи. — Животное, которое ест сны, это...

Её губы изогнулись в дерзкой ухмылке.

— ...человек.

— Не умничай тут! — вскрикнул я громче необходимого, как-то бессознательно мне это показалось действительно умным.

Ладно.

Довольно тихий район, надо сказать.

По пути мы не встретили ни одного человека. Должно быть, тут все, кому надо уйти, уходят утром, а кому не надо — целый день сидят по домам. Ну, на самом деле там, где я живу, всё так же, единственное исключение: здесь просто куча огромных особняков. Наверное, здесь живут только всякие богачи. Вроде бы, отец Сендзёгахары был крупной шишкой в одной иностранной кампании. Так что можно представить какие люди здесь живут.

Иностранная кампания, значит...

Не очень-то подходит нашему захолустью.

— Эй, Арараги-кун, — наконец подала голос Сендзёгахара. — Не повторишь ещё раз адрес?

— М-м? Ну ладно. Это хоть здесь?

— Смотря, как посмотреть, — туманно выразилась Сендзёгахара.

Так ничего и не поняв, я ещё раз прочёл адрес.

Сендзёгахара кивнула.

— Кажется, мы уже прошли это место.

— Э? Seriously?

— Похоже на то, — невозмутимым тоном ответила Сендзёгахара. — Можешь винить меня, если хочешь.

— Ну, тут такой уж вины нет.

Чего это она такая серьёзная...

Вечно не знает, когда остановиться со своей честностью.

— Хорошо.

С безразличным видом, не выказав нетерпения, Сендзёгахара развернулась в прямо противоположную сторону. Чтобы избежать Сендзёгахары, Хачикудзи в точности повторила её движения, и я оказался посередке.

— Почему ты боишься Сендзёгахары? Она же тебе ничего не сделала. Вообще, с первого взгляда это, может, и непонятно, но так-то она тебя ведёт, а не я.

Я просто иду за ней.

Можно сказать, я тут, по сути, и не нужен.

Если она и бессознательно невзлюбила Сендзёгахару, должны же быть какие-то границы. Сендзёгахара тоже не железная, если её будут так демонстративно избегать, это её ранит. Ну, даже исключая мои опасения за Сендзёгахару, отношение Хачикудзи к ней правильным не назовёшь.

— Даже не знаю, как сказать... — вдруг смущённо растерялась Хачикудзи.

А затем продолжила, понизив голос:

— Но, Арараги-сан, разве ты не чувствуешь?

— Что?

— Безумную злобу, исходящую от неё...

— ...

Похоже, это не просто интуиция.

Жаль, что я не могу опровергнуть её слова.

— Похоже, она ненавидит меня... Так и чувствую сильное желание, чтобы я исчезла куда-нибудь, как помеха...

— Сомневаюсь, что она так думает... Хм-м.

Отлично.

Немного страшновато, но спросить стоит.

Ответ очевиден, но всё-таки лучше уж узнать точно.

— Эй, Сендзёгахара.

— Чего?

Как обычно даже не обернулась.

А вдруг это я тут досадная помеха.

Хоть мы и считаем друг друга друзьями, но почему у нас не получаются действительно тёплые отношения — загадка.

— Ты... не любишь детей?

— Не люблю. Ненавижу. Лучше бы они умерли все до единого.

Ни капли пощады.

Хачикудзи со вскриком вздрогнула.

— Понятия не имею, как с ними обращаться. У меня был случай в средней школе. Я закупалась в супермаркете и случайно столкнулась с ребёнком лет семи.

— Ох, он расплакался?

— Вовсе нет. Я тогда тут же залепетала перед ним: «Ты в порядке? Не поранился? Прости, мне очень жаль».

— ...

— Я не знала, как обратиться к ребёнку, и совершенно потеряла голову. Так унижалась... Дикий шок... С тех пор любого ребёнка, неважно человек он или нет, я встречаю с ненавистью.

Она на грани.

Признаю её доводы, но чувств мне не понять.

— Кстати, Арараги-кун.

— Что случилось?

— Похоже, мы снова прошли мимо.

— А?

Прошли мимо... А, она про адрес.

Э?.. Второй раз уже.

В незнакомом месте адрес и реальное расположение зачастую могут различаться, но Сендзёгахара же не так давно жила здесь.

— Можешь винить меня, если сможешь.

— Ну, тут такой вины... Стоп. Сендзёгахара, ты изменила фразу?

— Ох, правда. Я и не заметила.

— Что там. Ах, да. Ты же что-то говорила про перепланировку. Не думаешь, что раз твой дом стал дорогой, то и всё расположение теперь отличается от того, что ты знала?

— Нет. Дело не в этом, — Сендзёгахара внимательно оглядела окрестности и проговорила. — Число дорог возросло, многих домов уже нет или построены новые, но старые дороги тоже никуда не делись... Структура никак не могла поменяться.

— Хм-м?..

Но раз мы тут уже заблудились, думаю, дело всё-таки в этом. Это лишь мысли. Наверняка Сендзёгахара просто не хочет признать ошибку. Она же такая упрямая... Пока я тут размышлял об этом Сендзёгахара обратилась ко мне:

— Что такое? Твоё лицо говорит, что у тебя есть возражения, Арараги-кун. Если хочешь что-то сказать, говори прямо, будь мужчиной. Если пожелаешь, я сейчас же голой паду ниц перед тобой.

— Хочешь, чтоб меня тут отвратительнейшим окрестили?..

Такое прям посреди города?

Раньше обходился без подобных фетишей.

— Если я этим смогу дать знать миру, что Арараги Коёми отвратительнейший человек, то пасть ниц голой малая цена.

— Дешёва же у тебя гордость.

До сих пор не разобрался, излишек у тебя гордости или недостаток.

— Но на мне ведь останутся чулки.

— Если хочешь обернуть всё это в шутку, то у меня таких фетишей нет.

— Я забыла упомянуть: они будут сетчатые.

— Ну давай, прибавляй мне извращений...

Хотя.

У меня, конечно, нет подобных склонностей, но я не прочь поглядеть на Сендзёгахару в чулках в сетку... Ну, даже быть голой совсем не обязательно. Такие чулки...

— Судя по твоему лицу, ты задумался о чём-то непристойном, Арараги-кун.

— Да ни разу. Да чтобы я, придерживающийся принципов чистоты и непорочности, оказался такой презренной личностью? Твои слова ранят меня в самое сердце, Сендзёгахара.

— Ох. Теперь я намерена говорить тебе подобное, будут у меня на то основания или нет, тем более, в этот раз ты так легко отверг моё предложение, даже не особо соблазнившись, подозрительно.

— У-у...

— Раз падения ниц голой недостаточно, то как насчёт перманентным маркером исписать всё моё тело непристойностями?

— Никогда даже не думал о таком!

— Тогда о каком думал?

— Сейчас главное, э-эм, Хачикудзи.

Я резко сменил тему.

Беру пример с Сендзёгахары.

— Прости, похоже, это займёт некоторое время. Но если узнаешь место...

— Нет... — проговорила Хачикудзи удивительно спокойным тоном, таким ужасно механическим тоном, словно выдаёт очевидную математическую формулу. — Думаю, это, скорее всего, невозможно...

— Э?.. Скорее всего?..

— Раз «скорее всего» не устраивает, то «абсолютно».

— ...

Да не сказал бы, что «скорее всего» не устраивает.

Да и «абсолютно» совсем не удовлетворяет.

Однако я не мог ничего ответить ей.

Всё тем же тоном.

— Сколько бы мы не шли, мы не сможем прийти.

Хачикудзи.

— Я никогда не смогу прийти.

Повторяла Хачикудзи.

— Не смогу прийти к своей маме.

Словно заезженная пластинка.

Словно давешняя запись.

— Потому что я... потерявшаяся улитка.

Примечания

1. Игрушка-обнимашка.

2. Игра, в которой игрок сначала много раз повторяет какое-нибудь слово (вроде, красный), а после ему задают простой вопрос (вроде, на какой цвет переходить дорогу), зачастую игрок по инерции ошибается.

3. Существа японской и китайской мифологий, пожирающие кошмары.

— Заблудшая корова, — проговорил Ошино Мэмэ низким, хрипловатым, жутко сварливым сонным голосом, будто его насильно разбудили от тысячелетнего сна. Ошино не страдает пониженным давлением, но похоже, ему всё равно сложно вставать. Отличие от его обычного дружеского тона просто колоссальное. — Наверняка это заблудшая корова.

— Корова? Ошибаешься. Это улитка, а не корова.

— Если записать через кандзи, то получится «корова». Ох, Арараги-кун, с каких пор ты пишешь «улитка» катаканой? У тебя IQ низковат. Берёшь кандзи спирали «渦», заменяешь радикал «вода» на «насекомое», прибавляешь «牛». Вот тебе и «улитка».

— Из «渦» — «蛞蝓»?

— «蛞蝓» можно прочесть как «ка» или «кэ», но, кроме как в «улитке» он больше нигде не используется... Раковина улитки и правда ведь закручена. Такие дела... А ещё он похож на «禍» из «бедствия».... О, не правда ли довольно символично? Существует бесчисленное множество чудищ, запутывающих людей на дорогах... Но вот ёкай, преграждающий путь идущему, Арараги-кун, ты же наверняка слышал о нурикабэ¹? Так вот... Если он из этого типа, да ещё и улитка, то это по любому заблудшая корова.... Ну, имя здесь отражает не форму, а суть, так что и улитка, и корова одинаково подходят. Что до формы, то на полотнах её изображают в форме человека... С чудовищами почти всегда так, Арараги-кун, ведь давший имя и нарисовавший — разные люди. Если так говорить, то имя, по большей части, предшествует. Имя, но скорее, концепция. Ну, это как иллюстрации ранобэ. Концепция существует ещё до визуализации. Говорят, имя олицетворяет тело, только здесь тело означает не внешний вид, физическое тело, а сущность... Уа-а-а.

Жутко сонный.

Но как по мне, отсутствие его обычной ветрености лишь облегчает разговор. Говорить с Ошино порой довольно утомительно.

Улитка.

Стебельчатоглазое лёгочное брюхоногое с раковиной.

Можно, конечно, ещё встретить и слизня, но они лишены раковины.

Посыплешь солью — растает.

После.

Мы втроём: Арараги Коёми, Сендзёгахара Хитаги и Хачикудзи Маёй — пять раз повторяли попытки продвинуться, испробовали все, без исключения, способы: шли и кратчайшей дорогой, и головокружительными окольными путями, но всё это оканчивалось блистательной до безумия пустой тратой сил. Мы определённо были где-то рядом, но почему-то никак не

могли дойти. В конце концов мы даже обходили каждый встречный дом, от двери к двери, но и это не дало результатов.

Тогда, как самое последнее средство, Сендзёгахара использовала специальную функцию в своём мобильнике (я особо в таком не разбираюсь), какая-то навигационная система GPS — и на самой загрузке данных она оказалась вне зоны действия сети.

И в этот момент я наконец смог, даже скорее, вынужден был понять, хоть и с запозданием, что же тут творится. Сендзёгахара ничего не говорила, но, похоже, она догадалась даже раньше, и боюсь, что Хачикудзи понимает ситуацию куда глубже любого из нас.

Я — демон.

Ханэкава — кошка.

Сендзёгахара — краб.

А Хачикудзи, похоже, — улитка.

Когда дело доходит до подобных ситуаций, я просто не могу взять и остаться в стороне. Будь это обычный потерявшийся ребёнок, которому мы не смогли помочь своими силами, мы отвели бы его в ближайший полицейский участок и довольные остановились бы на этом, но дело коснулось иного... Сендзёгахара тоже против, чтобы отвести её в полицейский участок.

Жизнь самой Сендзёгахары несколько лет полнилась иным.

Раз она так говорит — ошибки нет.

Хотя, конечно, проблема в некотором смысле нас не касается — ни я, ни она не обладаем какими-то особыми способностями. Проще говоря, мы можем лишь *знать*, относится это к иному или нет.

Говорят, знание — сила.

Однако одно лишь знание — бессилие.

Так что мы (это напрашивалось само, да и выбора у нас другого особо не оставалось) после обсуждения решили всё-таки обратиться к Ошино.

Ошино Мэмэ.

Мой... Наш спаситель.

Но он из того типа людей, с которыми вы определённо воздержались бы от знакомства, куда он вас не спасёт. Ему уже за тридцать, нет постоянного дома, появился в этом городе примерно с месяц назад и спит в развалинах вечерней школы — одно лишь описание отводит любого нормального человека.

«Пока что мне интересен этот город»

Так он выразился.

И ничего удивительного: он неисправимый бродяга, но по делу Сендзёгахары мы виделись в понедельник, а затем, чтобы всё окончательно уладить, и во вторник, да и вчера я встречался с Ошино, так что он наверняка до сих пор в тех развалинах.

Вот только связаться с ним проблема.

У него нет мобильного.

Для встречи нужно идти прямо к нему.

Ну, Сендзёгахара только на этой неделе познакомилась с Ошино, такое и знакомством-то не назовёшь, а я провёл с ним не один день, так что логичнее, чтобы пошёл я, однако Сендзёгахара вызвалась пойти.

— Одолжи мне горный велосипед.

— Это конечно... Но ты знаешь куда ехать? Если хочешь, могу карту нарисовать...

— Арараги-кун, меня несколько не радует твоё беспокойство, что у меня такая же ужасная память, как у тебя. Даже расстраивает.

— Вот как...

Я расстроился.

Довольно серьёзно.

— На самом деле я хотела прокатиться на этом велосипеде, как только увидела его на стоянке.

— Так ты серьёзно тогда говорила, что он лучший... Я думал наоборот, ты, похоже, не особенно прямолинейна.

— И, — зашептала мне на ухо Сендзёгахара. — Не оставляй меня наедине с этим ребёнком.

— ...

— Я ведь не знаю, что делать.

Ну, наверное, так и есть.

Да и Хачикудзи согласилась бы.

Я передал Сендзёгахаре ключи от велосипедного замка. Она до этого говорила, что у неё не было велосипеда, так что, если подумать, давать ей свой любимый велик довольно рискованно... Ну, я почувствовал: с Сендзёгахарой всё будет в порядке.

Так.

А теперь я жду, пока Сендзёгахара не выйдет на связь.

Я вернулся на скамейку в парке «浪白».

Рядом — Хачикудзи Маёй.

Между нами влез бы ещё один человек.

Она будто в любой момент готова сбежать.

Позиция готовности к побегу в любую секунду.

Я уже рассказал о том, что случилось со мной и Сендзёгахарой, а затем что происходит сейчас, однако мои слова, похоже, наоборот в какой-то степени заставили Хачикудзи насторожиться. Я думал, что наконец упрощу отношения между нами, но ошибся, и всё пошло наперекосяк... Остаётся лишь начать всё с нуля.

Доверие невероятно важно.

Эх...

Разговорить её, что ли, для начала.

Как раз меня кое-что интересовало.

— Ты же, вроде, тогда сказала «к маме», но что это значит? Разве Цунаде-сан не родственник?

— ...

Ни слова.

Похоже, пользуется правом хранить молчание.

Как ни крути, два раза одно и то же не сработает... Да и забавным то было, потому что прошло как шутка, если повторять это каждый раз, то даже мне самому может показаться, что всё это всерьёз.

Поэтому...

— Хачикудзи-тян, а если я куплю мороженое, сядешь чуточку поближе?

— Уже иду!

Хачикудзи в момент придвинулась.

Лучше, конечно, отложить исполнение обещания...

Кстати, на «карманные расходы» я не дал ни йены... Жуткая простофиля.

— Так вот.

— Что такое?

— Твоя мама...

— ...

Снова право хранить молчание.

Я продолжил, не обращая на это внимание.

— Значит, ты соврала про дом своих родственников?

— Я не врала... — надулась Хачикудзи. — Мама тоже родственник.

— Ну, возразить нечего.

Аргументный аргумент.

Довольно странно, что она с таким рюкзаком отправилась к своей маме в воскресенье...

— Ну, — продолжала дуться Хачикудзи. — Я сказала «мама», но, к сожалению, она уже не моя мама.

— А-а...

Развод.

Жизнь с отцом.

Я уже слышал подобное недавно.

От Сендзёгахары.

— До третьего класса у меня была фамилия Цунаде. Папа забрал меня к себе, и я стала Хачикудзи.

— М-м... Погоди немного.

Всё слишком запуталось, события наложились друг на друга, надо немного упорядочить. Сейчас Хачикудзи в пятом классе, а до третьего у неё была фамилия Цунаде (то-то она так закричала, когда я выразился о Цунаде), а потом она осталась с отцом, и её фамилия сменилась на Хачикудзи... А, ясно, её отец взял себе фамилию жены. Обмен фамилиями при вступлении в брак у мужчин и женщин — обычное дело. Итак... Они развелись, её мать... Цунаде-сан покинула дом и переехала сюда... Ну, наверное, здесь дом её родителей. Так вот... В воскресенье Хачикудзи...

В День матери...

Отправилась повидаться со своей мамой.

«Папа и мама дали мне это ценное имя».

— Дела... А я ещё тут с важным видом говорил о празднике с родителями...

Вот и не хотела говорить со мной о таком.

Кругом одни проблемы.

— Нет, дело вовсе не в Дне матери. Я хочу попасть к маме в любой день.

— Ясно...

— Но не могу прийти.

— ...

После развода её мать переехала.

Девочка не могла встретиться с мамой.

Но хотела.

И Хачикудзи пошла повидаться с ней.

Попыталась.

Собрала рюкзак... А затем...

А затем... Улитка.

— И ты встретила?

— Встретила? Ты о чём?

— Хм-м.

Сколько же раз она пыталась попасть к маме?

И ни разу не смогла прийти.

После бесчисленных неудачных попыток, может показаться, что она просто дура... Но я приятно удивлён, что она до сих пор не сдалась.

Но тем не менее.

— ...

Ну, не стоит так говорить, да и случаи не идут ни в какое сравнение, так как её проблема в бесчисленных попытках повидаться с матерью, но по сравнению с моими трудностями или Ханэкавы с Сендзёгахарой, это куда безопасней: ни физических, ни психических проблем, можно сказать, тут лишь проблема феномена — и ничего внутри неё самой.

Проблема снаружи.

Её жизнь вне опасности.

Повседневность лишена перегибов.

Так мне думается.

Но какой бы это не было правдой, я ни при каких обстоятельствах не должен говорить с Хачикудзи с таким бывалым видом. Я не имею права говорить ей такое, несмотря на весь мой «опыт» весенних каникул.

Так что я постарался не сболтнуть лишнего:

— Это ужасно.

Я сказал лишь это.

В глубине души я правда так чувствовал.

И жутко захотелось потрепать её по голове.

Ну я и потрепал.

— Ам!

Она цапнула меня за руку.

— Ух-ё! Ты чего вытворяешь?!

— Ур-р-р-р-р!

— Больно! Больно, больно, больно!

О-она не скрывает так смущение, не дурачится и не шутит, всерьёз кусанула изо всех сил... Прямо чувствую, как зубы Хачикудзи прорвали кожу и вонзились в плоть, тут даже глядеть не надо — по любому уже кровь выступила! Чего это она так разошлась... Не может быть, неужели я не заметил и не понял, как началось...

Битва уже началась?!

Я крепко сжал кулак свободной от её зубов руки. А затем вдарил Хачикудзи в солнечное сплетение. Солнечное сплетение — одна из ключевых точек человеческого тела, с которой стоит считаться. Хачикудзи не отпустила тисок своих зубов, однако на миг сила её хватки ослабла, и это решило всё. Я воспользовался этой возможностью и изо всех сил дёрнул рукой. Хачикудзи отдала все силы укусу, полностью открылась и, как я и думал, с лёгкостью растянулась на скамейке.

Я разжал кулак и обхватил беззащитное тельце Хачикудзи — моя ладонь наткнулась на поразительные округлости пятиклассницы, но я не лоликонщик и даже не заметил сего факта, потому не колеблясь рванул безвольное тело девочки. Её зубы не покинули моей плоти, а тело тут же закрутилось, оставив неподвижной лишь голову. Но это не проблема. Раз она держится за мою руку зубами, то есть риск, что при ударе в голову, она отлетит. Кроме того, закрученное тело Хачикудзи предстало передо мной, подобно стопке плиток для каратиста, и стало мишенью моих атак.

— Кх!..

Всё кончено.

Она наконец расцепила зубы.

Её тут же вырвало.

А затем она рухнула без сознания.

— Пф, ну это уже совсем не смешно.

Я легонько потряс укушенной рукой.

— Во второй раз победа кажется такой лёгкой...

У нас тут старшеклассник, который дважды побил младшеклассницу до потери сознания, причём бил по жизненно важным точкам, вдобавок ещё и корчит из себя отъявленного нигилиста.

Я.

...

Ну, захваты, удары и броски это ещё куда ни шло, но вот бить кулаком девочку — уже нет.

Арараги Коёми уже достаточно заслужил себе звание отвратительнейшего человека, и Сендзёгахаре Хитаги даже не нужно для этого падать ниц обнажённой.

— Эх... Но ты меня так резко кусанула.

Я поглядел на рану от укуса.

Жесть... Серьёзно, даже кость видно... Не думал, что человек способен на такое...

Ну, рана-то у меня.

Несмотря на боль, такая рана мгновенно *сама собой* излечится.

С чавканьем рана быстро затягивается, словно при быстрой перемотке или отмотке назад... Это напомнило насколько сейчас моя жизнь отличается от нормальной. Это вернуло меня в мрачное, тягостное настроение.

Ты действительно никчѐмен.

Отвратительнейший человек? Смешно.

Ты в самом деле думаешь вернуться к человеческой жизни?

— Ну и жуткий у тебя вид, Арараги-кун.

В этот момент.

Меня вдруг кто-то позвал.

На мгновение я подумал, что это Сендзѐгахара, но тут же отбросил этот вариант. Она никогда не говорит таким весѐлым голоском.

Там оказалась староста.

Ханэкава Цубаса.

Даже в воскресенье она не изменила школьной форме, ну, думаю, это впилось в само её естество, «торэ отличницы»: те же очки и та же причѐска, единственное отличие — сумка у неё в руке.

— Х-Ханэкава.

— Так удивился. Ну да это нормально, — захихикала Ханэкава.

Беззаботная улыбка.

Хачикудзи недавно расплылась в точно такой же...

— Ну так что? Чем ты здесь занимаешься?

— Н-ну... А ты?

Мне не скрыть волнения.

И сколько она успела увидеть?

Если сама серьёзность и нравственность, непорочная Ханэкава Цубаса узрит мои издевательства над младшеклашкой, жди беды, и Сендзёгахара по сравнению с этим и рядом не стояла...

Я не хочу вылететь из школы на третьем году...

— А, я-то? Я живу неподалёку. Если уж так говорить, то что тебя сюда привело, Арараги-кун?

— Ну-у.

А, точно.

Сендзёгахара и Ханэкава же учились в одной средней школе.

А раз она муниципальная, то они должны жить в одном школьном округе, так что ничего удивительного, что старое местообитание Сендзёгахары пересеклось с местом жительства Ханэкавы. Но ходили они в разные начальные школы, значит, не так уж и близко...

— Да ничего такого не делаю, просто, так сказать, время убиваю...

Ох.

Я сказал «убиваю время».

— Ах-ха. Время убиваешь, значит, ладненько. Хорошо, когда нечего делать. Так свободно. Я вот тоже время убиваю.

— ...

Всё-таки они с Сендзёгахарой совершенно разные.

Одинаково умны, но какая разница между лучшей в классе и просто лучшей.

— Ох, понимаю тебя, Арараги-кун. Дома мне не посидеть, а библиотека закрыта, так что воскресенье я посвящаю прогулкам. Полезно для здоровья, знаешь ли.

— Больно ты о нём печёшься...

Ханэкава Цубаса.

Девушка с поражающими воображение перьями.

В школе она сама серьёзность и нравственность, непорочность и чистота, староста старост, да и просто безупречная девушка, но вот дома у неё разлад.

Разлад, а за ним и искажение.

И как следствие в неё вселилась кошка.

Проникла в трещину в её сердце.

Хороший пример того, что никто не может быть идеальным. Но проблема разрешилась, и кошка сгинула, она лишилась всех воспоминаний, а раздор и искажение никуда не делись.

Продолжаются до сих пор.

Такие дела.

— То, что библиотека закрыта по воскресеньям, говорит о низком уровне культуры моего района, аха, это угнетает.

— Я даже не знаю, где у нас библиотека.

— Как нехорошо. Не сдавайся. До экзаменов ещё есть время, ты сможешь, если постарайшься, Арараги-кун.

— Ханэкава, беспричинное ободрение куда больней обоснованного оскорбления.

— Арараги-кун, ты же неплох в математике? Странновато, что человек понимает математику, но не понимает остального.

— В математике запоминать много не надо. Удобно.

— Как всё вывернул. Ну и ладно. О, секунду. Ты здесь с младшей сестрёнкой, Арараги-кун?

Ханэкава улыбнулась Хачикудзи, растянувшейся на скамейке.

— Мои сёстры постарше будут.

— Насколько?

— Они уже в средней школе.

— Хм-м.

— Эм, она потерялась, в общем. Зовут Хачикудзи Маёй.

— Маёй?

— Записывается как «真» из правды и «宵» из сумерек. А фамилия...

— Фамилию я знаю. Хачикудзи хорошо известны в регионе Кансай. Древняя и помпезная фамилия. Если подумать, то в «Историях зари»² тоже есть... А, там другие кандзи.

— Всё-то ты знаешь...

— Я не знаю всего. Только то, что знаю.

— Ага...

— Хачикудзи и Маёй, значит, хм-м. Какая связь в имени. М-м? О, она открыла глаза.

Одновременно с этим Хачикудзи часто и рассеянно заморгала. Она с колебанием огляделась, словно не до конца осознавая окружающее, и приподнялась.

— Привет, Маёй-тян. Я друг этого парнишки, Ханэкава Цубаса.

Ох, у Ханэкавы интонация прям как у Братика Тайсо³.

Хотя, она же девушка, так что Сестричка Тайсо.

Похоже, Ханэкава из тех людей, которые и с кошками, и с собачками сюсюкается словно с детьми...

Однако Хачикудзи ответила:

— Не говорите со мной, пожалуйста. Ненавижу вас.

Она что, всем это говорит?..

— Ох. Чем же я заслужила твою ненависть? Нехорошо вот так говорить при знакомстве, Маёй-тян, — не отступила Ханэкава.

Она как ни в чём не бывало сделала то, чего не смог я: потрепала Хачикудзи по голове.

— Ханэкава, ты любишь детей?

— М-м? А кто не любит?

— Ну уж точно не я.

— Хм-м. Да, люблю. Только подумаю, что сама когда-то была такой, так внутри разливается такое приятное тепло.

Ханэкава продолжала трепать Хачикудзи по голове.

Хачикудзи пыталась сопротивляться.

Но тщетно.

— У-ууу.

— Какая ты милашка, Маёй-тян. Так бы и съела. Какие упругие щёчки. Яй. Но.

Тон изменился.

Таким тоном она обращается ко мне в школе.

— Нехорошо так кусать людей за руки. Сейчас всё обошлось, но вот обычный человек получил бы серьёзную рану! Тыщ!

Бумс.

Ударила. Кулаком. Как ни в чём ни бывало.

— У, у-у-у?

Хачикудзи впала в замешательство от такой перемены с мягкости на удар, и Ханэкава силой развернула её ко мне.

— Эй! Извиниться не хочешь?

— П-простите, Арараги-сан...

Извинилась.

Эта нахалка, да ещё таким вежливым тоном.

Я в шоке.

Похоже, Ханэкава всё-таки всё видела... Ясненько. Если тебя прокусили до мяса, то самооборона считается допустимой. Коль так, то и первая драка началась с её пинка...

Ханэкава не особо уступчива, но не до педантизма.

Попросту справедлива.

Но она умело обращается с детьми. Для единственного ребёнка в семье это восхитительно.

Я осознал, что, похоже, в школе Ханэкава ко мне самому относится как к ребёнку, но не будем на этом останавливаться.

— Но и ты, Арараги-кун, был неправ.

Тот же тон.

Всё-таки решила исправить меня.

Осознав это, Ханэкава поправилась.

— Ну, ты всё равно был неправ.

— Неправ... В смысле, из-за насилия?

— Да нет, ты совсем не отругал её.

— А-а.

— Конечно, насилие это нехорошо, но если уж ударять ребёнка, то он должен знать за что его бьют.

— ...

— Я сказала ей, чтобы она поняла, так правильней.

— С каждым разговором с тобой учусь чему-то.

Серьёзно.

Она меня поражает.

Есть же хорошие люди.

Одно лишь это заставило меня чувствовать спасение.

— Так. Она потерялась? Куда нужно? Это здесь? Если хочешь, я могу отвести.

— Э-эм... Ну сейчас Сендзёгахара отправилась за помощью...

Ханэкава тоже была вовлечена в иное, но лишилась всех воспоминаний... Знает, даже если забыла. Так что думаю, не стоит расковыривать коросту её воспоминаний.

Спасибо за предложение.

— Времени прошло прилично, но она должна уже скоро вернуться.

— О? Сендзёгахара-сан? Ты вместе с Сендзёгахарой-сан? М-м? Её в последнее время не было в школе... М-м? А, если не ошибаюсь, незадолго до этого ты спрашивал меня о ней... М-м?

Ох.

Сплошные подозрения.

Сила недопонимания Ханэкавы подобна взрыву.

— А! Так вот оно что!

— Нет, думаю, всё не так...

Конечно, не такому дурню, как я, отрицать слова такого гения, как ты, но уж извини...

— У тебя фантазия похлеще всяких яойщиц.

— Яой? Это что? — изумилась Ханэкава.

Отличницам не положено знать.

— Аббревиатура от «яма-наси оти-наси имисинтё:»⁴.

— Как-то надуманно. Ладно, сама проверю.

— Не будь такой серьёзной.

...

А что, если после этого Ханэкава сойдёт на кривую дорожку?

И всё из-за меня.

— Я тут, похоже, лишняя, так что пойду. Если не помешаю, передавай привет Сендзёгахаре-сан. Затем, сегодня воскресенье и я не хочу тебя загружать, но не действуй бездумно. Затем, у нас завтра проверочная по истории, ты же не забыл? Затем, когда мы уже наконец всерьёз начнём подготовку к культурному фестивалю? Затем...

После этого Ханэкава ещё девять раз повторила «затем».

Думаю, по использованию «затем» она стоит сразу за Нацумэ Сосэки⁵.

— А. Хорошо, Ханэкава. Но сначала могу я у тебя кое-что спросить? Ты не знаешь, тут поблизости есть дом Цунаде-сан?

— Цунаде-сан? М-м, ну-у...

Ханэкава задумалась. Я надеялся, что она может знать, однако по прошествии некоторого времени она ответила:

— Нет, не знаю.

— Выходит, даже ты чего-то не знаешь.

— Я разве не говорила? Я знаю только то, что знаю. И не больше.

— Ага.

Не знаешь, что такое яой, например.

Хотя знание этого ничего хорошего не принесёт.

— Прости, что подвела.

— Да всё нормально.

— Тогда давай, пока-пока.

И Ханэкава Цубаса покинула парк «浪白».

Наверняка она знает как читается название.

Лучше бы её про это спросил.

А потом мой телефон зазвонил.

Одиннадцать цифр высветилось на экране.

— ...

14 мая, воскресенье, 14 часов 15 минут 30 секунд.

Момент, когда я узнал номер Сендзёгахары.

Примечания

1. Ёкай японской мифологии, проявляется как стена, которая встаёт непреодолимой преградой на пути прохожего или странника, путешествующего ночью.
2. «Shinonome monogatari», японский роман о восстании проституток.
3. Японская телепрограмма для детей.
4. Ни кульминации, ни концовки, глубокий смысл.
5. Японский писатель эпохи Мэйдзи. Автор романов «Затем», «Сердце» и т.д.

— Так что эта заблудшая корова за аномалия или чудилище? Как её изгнать?

— Эх, снова мысли о насилии, Арараги-кун. У тебя праздник какой?

Сендзёгахара разбудила Ошино. Тот всё ворчал, что слишком жестоко беспокоить его в такое ленивое воскресное утро, но прости уж, сейчас вообще-то уже день, а никакое не утро, к тому же, у тебя любой день — воскресенье и круглый год летние каникулы. Не думаю, что правительство дало ему право высказываться так, но развивать тему я не стал.

У него нет мобильного, так что он наверняка говорит со мной с сотового Сендзёгахары. Думаю, проблема не в принципах или недостатке денег, Ошино просто, похоже, полнейший ламер в технике. «Так, Цундере-тян, какую мне кнопку зажимать, когда я говорю?» — только услышал эту нелепость, как мне захотелось зажать кнопку сброса звонка.

Это же не рация, ну ё-моё.

— Но-о... Как так-то? Экая удивительность. Как ты умудряешься за такое короткое время встретить столько странностей, Арараги-кун? Забавно. Обычно одного нападения вампира уже достаточно, но ты связался с кошкой Старосты-тян и с крабом Цундере-тян, а теперь повстречал улитку?

— Повстречал не только я.

— М? В смысле?

— Сендзёгахара тебе не рассказала?

— Ну... Рассказать-то рассказала, да я тогда ещё не проснулся толком. Всё как в тумане, так что я мог что-то не так запомнить... А, кстати, давным-давно я мечтал, чтоб когда-нибудь миленькая старшеклассница разбудила меня. Благодаря тебе, Арараги-кун, моя мечта времён средней школы наконец исполнилась.

— И как оно?..

— М-м, я не совсем проснулся, так что ещё не знаю.

Так мечты и сбываются.

У всех и всегда.

— О, Цундере-тян так страшно на меня смотрит. Как страшно, просто жуть. У тебя праздник какой-то?

— Кто знает...

— Кто знает, говоришь? Арараги-кун, ты просто не понимаешь женскую натуру... Ну да ладно. Хм. Ну если однажды коснёшься иной грани мира, то уже, конечно, легче снова на неё

наткнуться... Но как-то всё это больно централизовано. Староста-тян и Цундере-тян твои одноклассницы... И как я понял, там, где ты сейчас, они и живут?

— Сендзёгахара тут больше не живёт. Да и не связано это. Хачикудзи здесь тоже не живёт.

— Хачикудзи?

— А, тебе не сказали? Хачикудзи Маёй. Так зовут девочку, повстречавшую улитку.

— Ох...

Короткое молчание.

Не похоже, что причина в сонливости.

— Хачикудзи Маёй... Ха-ха, ясненько. Теперь всё понятно. Вспомнил. Ясненько. Это прям судьба. Забавно.

— Забавно? А, ты к тому что Маёй можно записать как «потерявшийся»? Потерявшийся ребёнок встретил заблудшую корову... Улыбку, конечно, вызывает, но это совсем не смешно, Ошино.

— Я ни за что бы не выдал шутку такого уровня. Я не какой-то щегол. Улыбка скрыта в лезвии. Гляди, Хачикудзи и Маёй. Тебе не знакомо Хачикудзи? Пятая часть «Истории зари».

— А?

Ханэкава тоже что-то такое говорила.

Но я понятия не имею.

— Ничего-то ты не знаешь, Арараги-кун. Я бы тебе всё объяснил, но сейчас не до того... Спать хочу. М? Что такое, Цундере-тян?

Сендзёгахара что-то сказала ему, и разговор на мгновение прервался. Её слова до меня не доходили, или скорее, Сендзёгахара специально говорила так, чтобы я не слышал.

Они что-то от меня скрывают?

Что-то говорят.

— М-м... Хм-м.

Я слышал только, как Ошино соглашался.

Затем.

— А-а... — тяжело вздохнув, Ошино продолжил: — Арараги-кун, ты правда никчём.

— Э? С чего вдруг? Я же ещё не говорил, что убиваю время.

— Обрати внимание на Цундере-тян... Она же полна ответственности. Полагаться на девушку станут только никудышные мужчины. Не будь таким беспечным.

— А, ну... Мне честно и самому не очень от того, что втянул Сендзёгахару в это. И из-за этого я тоже чувствую ответственность. Она сама только на прошлой неделе пришла в норму, а тут такие странности...

— Да я не об этом, дурачина. Арараги-кун, ты не увлёкся немного после разрешения сразу трёх проблем подряд: твоей, Старосты-тян и Цундере-тян? Я к тому, что не всё, что ты видишь и чувствуешь, — истинно.

— Да ничего такого...

Я поник от таких резких слов. Он ударил по больному. И, к сожалению, не мог не припомнить.

— Ну, так ли ничего такого, Арараги-кун. Каков ты я буду понимать по-своему. Но тебе лучше бы немного приглядываться к окружению. Раз ты не увлёкся, Арараги-кун, то можешь постараться? Хорошо? Слушай внимательно. Не всё, что ты видишь, истинно, как и наоборот, не всё истинно, что ты не видишь, Арараги-кун. Похожее я уже говорил тебе при нашей первой встрече, успел уже забыть?

— Сейчас не до меня, Ошино. Что там с заблудшей коровой? Как справиться с улиткой? Как её изгнать?

— Я разве не говорил тебе о изгнании? А ты всё не понимаешь. Если не будешь думать ни о чём другом, когда-нибудь пожалеешь, готов ли ты принять всю ответственность? Вообще, заблудшая корова... Ну вот, — Ошино замаялся. — Ха-ха. Это даже *слишком просто*. Если скажу, то сразу же спасу тебя, Арараги-кун. А это нехорошо... Не получится, что ты сам себя спасёшь.

— Просто? Что же?

— Это не как с вампиром. Это действительно очень редкий случай, Арараги-кун. В первый раз ты немного не так принял это, но что уже... Точно, можно сказать, что заблудшая корова чем-то близка к крабу Цундере-тян.

— Хм-м.

Краб.

Тот краб.

— А, вот что, тут же и Цундере-тян... Очень даже плохо. Я посредник между людьми и иным, посредничать между людьми немного не моя специальность... Ха-ха. Ладно, проехали. Так о чём я? Мы с тобой даже слишком близки, Арараги-кун. Можно даже сказать, у нас

сотрудничество, никогда бы не подумал, что кто-то просто возьмёт и воспользуется телефоном, чтобы разобраться с делом.

— Ну, это было легко.

Просто и с не особой охотой.

К тому же, иного варианта попросту не оставалось.

— Я бы не хотел, чтоб со мной было так легко связаться. Как правило, у тебя не будет возможности связаться с такими, как я, при встрече со странностью. И, хоть для меня это немного слишком здравомысляще, но отправлять девушку-подростка в развалины, в которых живёт странный мужик, нехорошо.

— Значит, ты и сам осознаешь, что ты странный мужик и живёшь в развалинах...

Хотя, он, конечно, прав. Согласен. Сендзёгахара слишком легко согласилась, она же даже сама вызвалась, так что у меня не возникло особого беспокойства.

— Но ты-то ничего не сделаешь.

— Доверие это, конечно, хорошо, но надо же знать меру. Прими это за правило. Уютно и незаметно, ускользает от рассвета. Понимаешь? Даже если ничего не происходит, нужно иметь непробиваемое закрытое пространство, вместе же с кем-то места для этого становится всё меньше и меньше. Говорят, нет правил без исключений, однако исключения следуют из правил, вдобавок, если нет правила, нет и исключения, вот так. Ха-ха, я рассуждаю прямо как Староста-тян.

— М-м...

Ну... да.

Согласен.

Перед Сендзёгахарой извинюсь позже.

— Цундере-тян не доверяет мне настолько, насколько доверяешь ты. Она лишь временно доверилась, основываясь на твоём доверии, если что-то случится, вся ответственность ляжет на тебя, не забывай об этом. Да ничего я не сделаю. Не сделаю! Ох, опусти степлер, Цундере-тян!

— ...

Степлер у неё ещё при себе.

Ну, от привычки в один день не избавишься.

— Фух... Внезапно. Цундере-тян была такой жуткой. Несравненная цундере. Э-эм, ладно... Эх, не люблю эти телефоны. Говорить неудобно.

— Говорить неудобно... Ошино, это уже даже слишком.

— Ну, дело такое, пока я тут серьёзно рассуждаю, ты можешь удобно развалиться где-нибудь, попить сок и мангу почитать, кому оно надо.

— А ты на удивление чувствительный...

Хотя он, похоже, просто накручивает.

— Ладно, давай так. Я расскажу Цундере-тян, что делать с заблудшей коровой, а ты пока останешься там.

— Нормально, что я это узнаю из вторых рук?

— Если уж так говорить, то заблудшая корова сама по себе часть фольклора.

— Не, это... Тут не нужен какой-нибудь ритуал, как с Сендзёгахарой?..

— Нет. Внешне случаи, может, и схожи, но улитка не дотягивает до краба. Да и не бог она. Чудище, если так говорить. Скорее, своего рода призрак, чем чудище или аномалия.

— Призрак?

Как по мне, все эти боги, чудища, чудища и аномалии — одно и то же, но я знаю, как важны для Ошино подобные различия.

Но... призрак.

— Призрак — один из видов ёкаев. Сама заблудшая корова не ограничена каким-то регионом, подобная странность встречается по всей Японии. Она незначительна, и хоть у неё много имён, изначально она всё же улитка. Э-эм, вот ещё, Арараги-кун. Насчёт «Хачикудзи», изначально так называли храм, расположенный в бамбуковой роще. Только вместо «восемьдесят девять» записывается через «лёгкий» и «бамбук». «淡竹寺». Кстати, знаешь ведь, что бамбук двух видов: чёрный бамбук и тропический? Кроме того, «破竹» из «破竹の勢い」¹ тоже читается «хачику». Это, конечно, не слишком связано, но замена на «восемьдесят девять» почти наверняка обычная игра слов. Арараги-кун, тебе известно о 88 храмах Сикоку или о 33 святынях Кинки?

— А... Ну, конечно.

Часто слышал.

— Думаю, даже ты должен знать. Ну, здесь лучше не различать известное и малоизвестное. «Хачикудзи» так сказать своего рода 89 храм, добавленный в этот перечень. Конечно, я говорил, что «восемьдесят девять» читается так же, как «чёрный бамбук», так что такой смысл принимается куда чаще, чем часть 88 храмов Сикоку.

— Хм-м...

Так это связано с Сикоку?

Но Ханэкава говорила о Кансае.

— Да, — подтвердил Ошино. — Храм, избранный восемьдесят девятым, по большей части храм Кансая, в этом плане он ближе к 33 святыням Кинки, чем к 88 храмам Сикоку. Но здесь и начинается вся трагедия. Гляди, «八九» можно прочитать «яку», то есть место, которое приносит неудачу «厄». Не особо заманчивая приставка к названию храма.

— Э?.. О, вначале я тоже прочитал «八九» как «яку», а не как «хачику»... Но тут же не такой смысл?

— К удивлению такой. Слова могут творить страшное. Даже без намерения так определилось. Можно назвать это силой слов, и подобные обороты зачастую даже слишком просто найти. Ну, как бы то ни было, такое объяснения разлетелось по умам, и постепенно Хачикудзи перестало использоваться. Храм, предназначенный стать восемьдесят девятым, разрушили почти до основания во время антибуддистских выступлений, сохранилась от силы четверть святилища, и кажется мне, все эти остатки, которые должны были стать Хачикудзи, сейчас практически не отыскать.

— ...

Объяснение у него даже чересчур уместное, благодаря этому, конечно, всё понятно, но Расскажи кому другому — сразу такое стеснение появляется...

К тому же, вряд ли интернет-поисковик найдёт хоть малую часть этого, так что придётся принять всё это на веру.

Но это же ещё не всё?

— Вот такое положение дел. И разъяснив историю, снова взглянем на имя Хачикудзи Маёй, не правда ли оно выглядит необычно многозначным и проблемным. Так связано, одно с другим. Это как Ооякэ-но Ёцуги или Нацуяма-но Сигэки² В школе ты наверняка проходил «Окагами»³, Арараги-кун. Но как же получается имя Маёй? Ну, разве не так же? До смешного просто. Подозреваю, имя это неспроста. Хм, только лучше бы ты почувствовал это в самом начале.

— Что лучше бы. Вообще, она...

Хачикудзи сидит на скамейке и спокойно ждёт, пока я закончу говорить по телефону. По виду не скажешь, что она подслушивает, но она слышит. Не может не слышать — речь идёт о ней.

— Её фамилия только недавно стала Хачикудзи. До этого она была Цунаде.

— Цунаде? Хе, Цунаде, значит... ещё хлеще. Ещё хлеще: всё слишком переплетено. Теперь всё полностью раскрылось. Судьба, не иначе, всё слишком хорошо складывается, ох. Словно

план победы, составленный за тысячи километров от поля боя. Хачикудзи и Цунаде⁴... Ясно, к тому же, Маёй. Истинная ночь. Хум... Ох, — по-идиотски рассеянно бормотал Ошино.

Больше похоже, что он говорит сам с собой, чем обращается ко мне.

— Ну ладно, неважно. Всё-таки этот город и правда занятный. Столько всего понамешано. Похоже, я ещё не скоро уйду... Ну, детали я расскажу Цундере-тян, услышишь всё от неё, Арараги-кун.

— М. А-ага.

— Если только... — протянул Ошино с издёвкой.

Так и вижу его ухмылку.

— Если только Цундере-тян послушно расскажет тебе.

А затем он повесил трубку.

Ошино никогда не прощается.

— Такие дела, Хачикудзи. Мы справимся.

— По разговору так не скажешь, что вы справитесь.

Слышала всё-таки.

Ну, слышала-то она только мои слова, так что основного знать не должна.

— Ладно, Арараги-сан.

— Чего?

— Я, наверное, проголодалась?

— ...

Так вот.

Только не надо тут говорить псевдонамёками, чтобы я начал беспокоиться о невыполнении обязанностей, которые должен выполнять.

Хотя, если на то пошло, она права: из-за всей этой кутерьмы с улиткой, Хачикудзи и поесть не смогла. И Сендзёгахара тоже... Хотя, она, конечно, могла перекусить где-нибудь по пути к Ошино.

Ох, опять я забылся.

Моё-то тело спокойно обходится малым количеством еды.

— Ладно, когда Сендзёгахара вернётся, мы сходим куда-нибудь поесть. Хотя тут кругом одни дома... В другие места, кроме дома своей мамы, ты же можешь дойти?

— Да, могу.

— Вот и всё. Ладно, тут лучше спросить Сендзёгахару... Она наверняка знает, где здесь можно купить еды. Так, тебе что нравится?

— Любая еда.

— Хм-м.

— Твоя рука была вкусной.

— Моя рука не еда.

— Не надо скромничать. Она правда была вкусной.

— ...

Вообще, она, похоже, серьёзно вкусила моей плоти и крови, и это никакое не иносказание.

Каннибалка.

— Кстати, Хачикудзи. Ты правда идёшь домой к своей маме?

— Правда. Я не врала.

— Ясно...

Но блуждает она не долго. Всё началось со встречи с улиткой... Стоп, почему Хачикудзи вообще повстречала улитку?

Причина.

В нападении на меня вампира была причина.

И у Ханэкавы, и у Сендзёгахары тоже.

В таком случае должна быть причина и у Хачикудзи.

— Гляди. Если обобщить, твоя цель это же не дойти до куда-то, ты просто хочешь встретиться с мамой, так?

— Грубовато, но да, так и есть.

— Тогда разве не лучше ей выйти навстречу? Смотри, ты не можешь дойти до дома Цунаде-сан, но твоя мама же не заперта внутри? Даже после развода, видеться с ребёнком это право любого родителя...

Хотя это все знают.

— Ну, как-то так, вот.

— Невозможно. То есть бессмысленно, — мгновенно ответила Хачикудзи. — Если б я могла, то давно бы так сделала. Но я не могу. Я не могу даже позвонить.

— Хм-м...

— Мне остаётся только встретиться. Даже если я и знаю, что никогда не смогу прийти.

Слова, конечно, размытые, но похоже, отношения в её семье куда сложнее. Это можно понять по тому, что она отправилась одна в плохознакомый город в День матери. Но даже так, должно же быть какое-то рациональное решение... Например, Сендзёгахара могла бы отдельно от нас отправиться к дому Цунаде... Нет, наверняка не сработает. Не думаю, что такая атака в лоб развеет странность. Если даже телефон Сендзёгахары оказался вне зоны доступа при попытке подключиться к GPS, то цель Хачикудзи и правда недостижима. Звонок Ошино прошёл только потому, что на другом конце провода был именно Ошино.

Потому что странности сами составляют этот мир.

И в отличие от живых, они тесно переплетены с ним.

Вот только наука не способна пролить свет на эти странности, потому до сих пор и продолжают появляться люди, подвергшиеся нападениям вампиров.

Даже если в этом мире освещены все тёмные уголки.

Тьма никуда не делась.

Остаётся только ждать возвращения Сендзёгахары.

— Странности... На самом деле я не особо в них разбираюсь. А ты, Хачикудзи? Хорошо знаешь всяких ёкаев и чудовищ?

— М-м, вовсе нет, — ответила после странного колебания Хачикудзи. — Знаю только ноппэрапон⁵.

— О, у Коидзуми Якумо...

— Надзиму.

— Не надзимуй тут.

«Мудзина»⁶.

Думаю, нет таких людей, кто не знал бы этой истории.

— Те ещё страшилища...

— Ага. Но никаких других я не знаю.

— Ну и ладно. Фиг с ними.

Ну, если говорить о ёкаях.

То мой случай с вампиром... Нет, неважно.

Касательно людей в подобном.

Проблема в концепции.

Проблема куда глубже...

— Хачикудзи... Мне не очень понятно, отчего ты так хочешь встретиться с мамой? Если честно, не вижу причины заходить тебе так далеко.

— Думаю, любой ребёнок хочет встретиться со своей мамой, это обычное желание... Разве нет?

— Ну, так-то оно так.

Так-то оно так.

Если б у неё была какая-то необычная причина, то я непременно смог бы докопаться, почему же Хачикудзи повстречала улитку, но, похоже, никакой чёткой причины нет. Просто импульсивное... не знаю как сказать, по принципу чем-то схоже с инстинктом.

— Арараги-сан, ты же живёшь вместе со своими родителями? Тогда тебе не понять. Тем, кто полны этим, не понять тех, кому не достаёт. Те, кому не достаёт, хотят этого. Когда станешь жить отдельно, Арараги-сан, ты наверняка захочешь встретиться с родителями.

— Так, значит?

Определённо так.

Роскошная проблема.

«Братик, вечно ты такой».

— И если говорить с точки зрения таких, как я, то я завидую близости твоих родителей, Арараги-сан.

— Вот как...

— Я «за» перед «висть» завидую.

— Вот как... Но ты немного ошибаешься в этом.

Интересно, что бы сказала Сендзёгахара, если б услышала положение Хачикудзи... Хотя нет, она наверняка ничего не сказала бы. Она вряд ли станет сравнивать Хачикудзи с собой, в отличие от меня.

Её положение куда ближе, чем моё.

Краб и улитка.

Оба обитают у воды?

— Ты сейчас так говорил, будто не любишь своих родителей, Арараги-сан, неужели это правда?

— А, да нет. Просто... — начал было я, как вдруг мне подумалось, что о таком с детьми не поговоришь, однако я уже начал, да и к тому же услышал положение Хачикудзи и остановиться только потому, что мой собеседник — ребёнок, не мог, поэтому продолжил: — Я вообще-то был очень хорошим ребёнком.

— Врать плохо.

— Я не вру...

— Вот как? Ну пусть не врёшь. Ложь это такой диалект.

— Типа из деревни лжи?

— Я из деревни правды.

— Ясно. Ну, я может, и не говорю в такой больно вежливой манере как ты, но я хорош в учёбе, хорош в спорте, не вытворяю ничего непристойного, к тому же, как и любые другие парни ни слова против родителям не сказал, я благодарен за воспитание.

— Неплохо. Просто великолепно.

— У меня есть две сестры, они чувствуют то же самое, у нас хорошие отношения в семье, только после экзаменов в старшую школу я немного перенапрягаюсь.

— Перенапрягаешься?

— ...

Вдруг повторила с пониманием.

Неужто она такой хороший слушатель?

— Я напрягся, чтобы поступить в школу, которая выше моих способностей... И поступил.

— Это же хорошо. Поздравляю.

— Нет тут ничего хорошего. Было бы хорошо, если б я один раз напрягся и на этом всё, но в итоге мне просто не угнаться за остальными. Я откровенно отстаю от умников школы, и тут никаких шуток. К тому же все, кто туда ходит, такие серьёзные... Такие как я или Сендзёгахара — исключение.

Даже то, что сама серьёзность, Ханэкава Цубаса, якшается с таким, как я, уже само по себе исключительный случай. Похоже, лишь у неё достаточно способностей, чтобы преодолеть это.

— Тогда-то и всё пошло наперекосяк. Конечно, ничего особого не произошло. Ни в матери, ни в отце ничего не поменялось, ничего не поменялось ни во мне, ни дома... однако появилась какая-то неловкость, невыраженная словами. Стоит такому один раз проявиться, и оно уже никуда не уйдёт. Поэтому мы в конце концов стали так присматривать друг за другом и...

Сёстры.

Две мои младшие сестры.

«Братик, вечно ты такой».

— И из-за этого я, наверное, никогда не смогу вырасти. Никогда не вырасту и так и останусь ребёнком... вот.

— Ребёнком? — переспросила Хачикудзи. — Ну, я такая же.

— Не думаю, что я такой же, как ты. Хотя я и вырос телом, но сознанием, похоже, остался на том же уровне.

— Арараги-сан, ты своими словами оскорбляешь леди. Между прочим, я самая рослая в классе.

— Конечно, грудь у тебя уже хорошо развилась.

— А?! Ты трогал?! Когда?!

Хачикудзи гневно уставилась на меня с поражённым видом.

Чёрт, с языка слетело.

— Ну-у... Во время драки.

— Шокирует даже больше, чем то, что ты ударил меня! — схватилась за голову Хачикудзи.

Похоже, правда шокирована.

— Эм... Это было не нарочно, да и всего на секунду.

— На секунду?! Правда-преправда?!

— Ага. Да и касался всего-то три раза.

— Тогда это никакая не секунда, как день ясно, что второй раз было уже нарочно!

— Это клевета. Просто несчастный случай.

— Ты украл моё первое касание!

— Первое касание?..

Так сейчас говорят?

А младшеклашки нехило продвинулись.

— Моё первое касание произошло первее первого поцелуя... Ты обратил Хачикудзи Маёй в распутную девицу!

— О, точно, Хачикудзи-тян. Я же совсем забыл дать тебе на карманные расходы, как обещал.

— Не говори про деньги сейчас!

По-прежнему держась за голову Хачикудзи затряслась всем телом, словно у неё под одеждой целый рой ос.

Как жалко.

— Да не убивайся так. Это же лучше, чем первый поцелуй с папой.

— Совершенно обычный случай.

— Ну ладно, тогда лучше, чем первый поцелуй со своим отражением в зеркале.

— Ни одна живая девочка так не сделает.

Хм.

Думаю, и неживая тоже.

— Гр-р.

Только убрав руки от головы, Хачикудзи тут же попыталась вцепиться мне в шею зубами. На весенних каникулах вампир так же пытался укусить меня, мурашки пробежали по коже. Мне удалось уклониться, схватив Хачикудзи за плечи. С угрожающим рычанием Хачикудзи заклацала зубами. Пока я раздумывал, что вроде был похожий персонаж в одной старой игре (такой шар на цепи⁷), я кое-как утихомирил Хачикудзи.

— Ф-фу-фу. Хорошая девочка.

— Я тебе не собачка! Или ты так иносказательно назвал меня грязной сучкой?!

— Но вообще такое чувство, что у тебя бешенство...

А у этой девочки неплохие зубки. Она смогла прокусить мою руку до кости, а между прочим наверняка у неё большинство зубов ещё молочные, и ни одного она не потеряла, все на месте. Они не только хорошие, но и невероятно крепкие.

— Арараги-сан, ты жуткий бесстыдник! Ни капли раскаяния! За касание нежной девичьей груди следовало бы кое-что сказать!

— Спасибо?..

— Ответ неверный! Требую извинений!

— Перед этим хотел бы упомянуть, что это произошло посреди боя, то есть, это можно назвать форс-мажором. Хорошо, что всё ограничилось грудью. Ханэкава же тоже говорила недавно. Ты поступила плохо, когда со всей дури так кусанула другого человека.

— Дело не в том, что плохо! Даже если я поступила плохо, сейчас я возмущена! Взрослый мужчина должен извиниться, даже если он прав, если девушка перед ним возмущена!

— Взрослые мужчины не извиняются, — сказал я, понизив голос. — Это снижает цену их душ.

— И это круто?!

— Или ты не сможешь простить меня без извинений? Простить, после извинения... Разве это не слишком большая честь для того, кто ниже тебя по статусу?

— Ты меня упрекаешь?! Ни капли раскаяния... Я всерьёз разозлилась... Я добрая и нежная, но изобью как святая!

— Фига себе добрая и нежная...

— И я не прощу, даже если извинишься!

— Да что ужасного-то. Мир не рухнет.

— Ух, Арараги-сан, задержил?! Нет, дело не в том, что мир не рухнет! А что если они увянут и так до конца и не вырастут?!

— Говорят, они растут, если их помять.

— В такую чушь верят только парни!

— И мир сразу как-то поскучнел...

— Вот, значит, как? То есть, до этого ты, Арараги-сан, постоянно мял груди женщин, прикрываясь этими слухами? Отвратительно.

— К сожалению, ни разу не представилось.

— Так ты девственник.

— ...

Уже и младшеклашки знают о таком?

Они уже не продвинулись, они дошли.

И сразу как-то мир пожутнел...

Ну, даже если я и убиваюсь тут о судьбе молодого поколения, но если вспомнить, то в пятом классе начальной школы я и сам знал всё это. Просто какая-то внезапная тревога за поколение младше своего.

— Гр-р! Гр-р-р! Гр-р-р-р-р-р-р!

— Ой, а, прекращай! Это опасно!

— Меня лапал девственник! Я осквернена!

— Да какая разница, кто тебя лапал!

— Я хотела, чтоб мой первый был искусным! А вместо этого получила тебя; мои нежные девичьи мечты разрушены!

— Что это за фантастический бред?! Только у меня зародилось чувство вины, как тут же исчезло!

— Гр-р-р! Гр-гр-гр!

— Ах, да ладно уже! У тебя, похоже, и правда бешенство! К чёрту все эти чёлки по брови и игровые укусы! Я тебя сейчас так помну, мигом забудешь о первых поцелуях и прочей лабуде!

— Яй?!

Хочется верить, что этот старшеклассник, который забыл, что его противник — младшеклассница, и изо всех сил домогался до неё, не я.

Но это я...

К счастью, Хачикудзи Маёй показала больше сопротивления, чем я предполагал, и по всему телу у меня остались следы от её ногтей и зубов, так что у нас всё окончилось, так и не подобравшись к главному. Уже через пять минут после начала старшеклассник и младшеклассница, тяжело дыша, сидели на скамейке мокрые от пота, и ни слова не прозвучало между ними.

Хочется пить, но здесь нигде нет торговых автоматов...

— Прости...

— Ну... и ты это, извини...

Мы оба извинились.

Усталое примирение.

— А ты, Хачикудзи, похоже, хорошо привыкла к дракам.

— В школе часто бывало.

— Такие драки? А, ясно. В начальной школе без разницы мальчик ты или девочка. Но ты такая дикая...

Хоть и выглядишь смышлёной.

— Арараги-сан, ты тоже привык к дракам. Похоже, хулиганы в старших школах часто дерутся, да?

— Не хулиган, а разгильдяй.

Разница такая, что и поправлять не нужно.

Словно сам себя унижаешь.

— Это школа высокого уровня, потому там попросту не могут появиться отстающие хулиганы. Вообще, у нас даже банд никаких нет.

— Но в манге же часто староста студсовета в элитной школе имеет плохую сторону. Так и появляются злые гении.

— Манга часто не соответствует реальности. Ну в принципе, я просто привык драться со своими младшими сёстрами.

— Сёстрами? Ты, вроде бы, говорил, что их двое. Так они такого же возраста, как я?

— Нет, обе в средней школе. Но сознание, думаю, такое же — больно детское.

Хотя они меня не кусали.

Одна из них занимается каратэ, так что бои у нас нешуточные.

— Думаю, ты с ними поладишь... Не сказал бы, что они любят детей, они сами ещё, по сути, дети. Я вас познакомлю, если хочешь.

— О... Да, это было бы прекрасно.

— О, хорошо. Судя по твоим мягким повадкам, ты довольно стеснительная... Но в этом ничего такого. А... Ну, насчёт драки, по любому всё кончается, когда одна из сторон извинится.

Сегодняшние куда упрямей.

И тем более я уже извинился.

Даже осознанно.

— Что с тобой, Арараги-сан?

— Снова с «ра» переборщила.

— Извини. Оговорила.

— Нет, это нарочно...

— Огоровилась.

— Нарочно же?!

— Это нормально. Любой может заговориться. Или ты с самого рождения никогда не оговаривался, а, Арараги-сан?

— Подтвердить не могу, но я, хотя бы, не оговаривался в чужих именах.

— Тогда повтори «намамуми намамомэ намамамамо»⁸ три раза.

— Сама-то не выговорила.

— Гадкое намамомэ!

— Так это ты ж сказала.

— Гадкое намамамамо!

— Знать бы ещё, почему...

Забавный у нас тут разговор.

— Вообще, если так подумать, то твоё намамамамо даже наоборот сложнее выговорить...

— Намамамама!

— ...

Похоже, она увлекается оговариванием оговорок.

— Так что с тобой, Арараги-сан?

— Ничего такого. Просто задумался как бы извиниться перед сестрой, и что-то взгрустнулось.

— Извиниться за то, что лапал её грудь?

— Лапать грудь младшей сестры?

— Значит, грудь младшекласниц Арараги-сан лапает, а младших сестёр — нет. Ясно, похоже, ты всё-таки сдерживаешься.

— Неплохо. Насмехаешься тут, значит, надо мной. Хороший пример того, что если взять что-то отдельно от контекста, даже если это правда, то можно запросто оклеветать человека.

— Это даже не отдельно от контекста.

Контекст, безусловно, есть. Скорее даже, я сам создал такой контекст, который так и просит внушительных оправданий.

— Тогда поправлюсь. Значит, грудь младшекласниц Арараги-сан лапает, а среднеклассниц — нет.

— А этот Арараги-сан жуткий лоликонщик. Не стал бы я с таким водиться.

— Хочешь сказать, сам не лоликонщик?

— Конечно же, нет.

— Настоящий лоликонщик никогда не признается, что он лоликонщик. Это потому что они видят в маленькой девочке уже зрелую женщину.

— И польза мне от этой фигни...

Сколько же бесполезных знаний занимают место в наших мозгах.

К тому же, это не то, о чём я бы хотел услышать от младшекласницы.

— Всё равно, думаю, с твоими сёстрами у тебя наверняка случались всякие форс-мажоры во время драк.

— Хватит уже об этом. Грудь сестёр не расценивается как грудь. И тем более грудь младшекласницы. Вот так.

— Каналы для молока. Было бы полезно.

— Давай без этого. Пожалуйста. В общем, сегодня, я, когда уходил из дома, поссорился с ней. Не подрался, поссорился. Ну, это не из-за твоих слов, но думаю, мне стоит извиниться, даже если я ничего плохого не делал. Сделать, чтобы решить всё мирно. Осознанно. Стоит сделать.

— Ясно, — закивала Хачикудзи с понимающим видом. — Мои мама и папа тоже часто ссорились. Не дрались, а спорили.

— Оттого и развод?

— Я их единственная дочка, и они были дружной семьёй, сначала. Наверное, они ещё до свадьбы невероятно любили друг друга. Но... я никогда не видела, чтобы они ладили. Они постоянно только ссорились.

И всё равно.

Надеялась, что не разведутся.

Скорее Хачикудзи и мысли такой в голову не приходило — она твёрдо верила: семья должна быть вместе всегда. Она не подозревала о самом существовании разводов.

Не подозревала.

Что её мама и папа разъедутся.

— Но тут ничего необычного. Люди ссорились и спорили. Они кусались, кусались, влюблялись и ненавидели — ничего необычного. Ведь чтобы продолжать любить то, что любишь, нужно стараться.

— Стараться, чтобы продолжать любить то, что любишь... Не сказал бы, что это наигранно, но и настоящим это не назовёшь. Звучит, будто любви можно добиться усилиями.

— Но Арараги-сан, — не уступала Хачикудзи. — Само чувство любви это же что-то очень побуждающее.

— Ну да...

Конечно.

Нужно прилагать все усилия — наверное, так и есть.

— Устать от того, что любишь, или возненавидеть любимое — разве это не больно? Разве это не печально? Обычно, если просто что-то ненавидишь это десять, и десять — любовь, но после любви ненависть не выйдет на все двадцать? Это очень грустно.

— Ты, — спросил я Хачикудзи. — Любишь свою маму?

— Да, люблю. И папу тоже, конечно. Я знаю, что он чувствует, и знаю, что ни за что не хотел, чтоб всё так кончилось. Папа был невероятным. Он был нашим Дайкокутэном.

— Твой отец один из семи богов счастья⁹..

Великий человек.

Довольно невероятный.

— Папа и мама ссорились и из-за этого разъехались... Но я всё равно очень люблю их обоих.

— Хм-м... Ясно.

— И потому, поэтому волнуюсь.

В самом деле сильно волнуется — Хачикудзи потупила взгляд.

— Похоже, папа очень сильно ненавидит маму, он не давал мне с ней видиться. Не давал позвонить ей и сказал, что мы с мамой больше никогда не встретимся.

— ...

— Очень волнуюсь, что когда-нибудь я могу забыть о маме... И если так и не увижусь с ней, то могу перестать любить.

Поэтому.

Поэтому, одна в городе.

Без существенной причины.

Просто хочет увидеться с мамой.

— Улитка, значит...

Серьёзно.

Почему же это желание всё не сбывается?

Что здесь не так?

Я не особо знаю о странностях и тем более о заблудших коровах, но почему Хачикудзи не может пройти?.. Сколько бы ни пыталась.

Не доходит до нужного места.

Продолжает блуждать.

М-м?..

Погодите, Ошино же говорил, то вид у заблудшей коровы такой же, как и у краба Сендзёгахры.

Такой же вид... в чём? Конечно, тот краб не творил сильных бед Сендзёгахаре. Вследствие пришла беда, но только в самом конце, и причина этого и изначальная причина — этого пожелала сама Сендзёгахара.

Краб исполнял желание Сендзёгахары.

Они одного вида... Если они одного вида при разных свойствах, то что же это всё на самом деле значит? Что если улитка, которую повстречала Хачикудзи, вовсе не пытается мешать её цели? Что если просто исполняет её желание?

Улитка, что она вообще делает?

То, что хочет Хачикудзи Маёй.

Если так посмотреть... то почему Хачикудзи так ведёт себя, словно не хочет изгнать заблудшую корову?

— ...

— Эй, что с тобой, Арараги-сан? Ты вдруг так посмотрел на меня. Мне даже неловко.

— Нет... Ну, в смысле...

— Если влюбился, то обожжёшься.

— Ты, это, чего это?..

От неожиданности даже запятых лишних нарасставлял.

— «Что», говоришь? Гляди, сам видишь мой cool biz, такая крутость мне к лицу, ничего не попишешь.

— Ты спутала с cool beauty, но я что-то не догоняю как это связано с предыдущим, Хачикудзи. В смысле, если ты cool, то как я обожгусь-то?

— Хм. И правда. Тогда, — Хачикудзи посерьёзнела и исправилась: — Если влюбился, то низкотемпературно обожжёшься.

— ...

— Как некруто!

— И вообще, это тоже не особо cool.

Смахивает на тепло от грелки.

Неимоверная любовница.

— О, точно, придумала. Нужно поменять представление. Тогда лучше заменить cool в своей фразе. Жаль, конечно, звания cool girl, но делать нечего. Решение требует жертв.

— Ясно. О, обычно, когда заменяешь такое, то это тут же становится популярным. Это как написать на обложке второго тома «бестселлер». Отлично, тогда сейчас же и опробуем. Заменим cool на...

— Зови меня hot girl.

— Хоть-гёрл?

— Сердцеедка!

После такой раздутой реакции, Хачикудзи вдруг поняла.

— Арараги-сан, ты же уходишь с темы, — сказала она.

Всё-таки заметила.

— Мы говорили о том, что ты так странно смотришь на меня. Неужели влюбился?

— ...

Или не заметила.

— Не скажу, что мне приятно, когда на меня пялятся, но признаю, предплечья у меня очаровательные.

— Ну и фетиш!

— Ой. Ничего не чувствуешь? Погляди на них! Не видишь красоты формы?

— Твоё тело красиво по форме?

Красиво здоровьем.

— Засмутился? Как мило, Арараги-сан. Хм, понимаю-понимаю. Если хочешь, я сохраню это. Только дам номерок.

— К сожалению, не интересуюсь такими малявками.

— Малявками!

Хачикудзи так глянула, что её глаза едва не выпрыгнули из орбит.

А затем затрясла головой, словно при анемии.

— Как презрительно... В будущем за такие жестокости за решётку сажать будут...

— Ну, на самом деле, ты права.

— Я унижена! Я же правда самая рослая! Ох, какой ты жестокий, Мухи-сан!

— «Мухи-сан», чего вспомнила. И вообще, раз такой разговор, я за такое первее бы сажал.

— Тогда заменим на Муму-сан.

— Будто я и вовсе не человек!

Человеку, ставшему полубессмертным после нападения вампира, слышать подобное совсем не смешно. Такие слова бьют слишком сильно.

— О, точно, придумала. Нужно поменять представление. Тогда лучше заменить на иностранную фразу с тем же смыслом. Если слова унижают людей, их нужно убирать. Но если запрещено японское, его место всегда может занять иностранное.

— Ясно. О, обычно, после перевода такого, нюанс тут же смягчается. Это как назвать лоликонщиком вместо педофила. Отлично, тогда сейчас же о опробуем. Заменим малявку и Мухи на...

— Shortness и Muscid!

— Чёрт побери! Да это новая эра!

— Да! Словно пелена с глаз спала!

Жалкие.

Жалкая парочка.

— Ну, тогда возьму назад свои слова про малявку... Да, ты более чем соответствуешь пятикласснице, Хачикудзи.

— Опять грудь? Ты о моей груди?

— Обо всем. Но уровень младшекласницы это не пробивает. До супермладшекласницы не дотягиваешь.

— Вот как? Наверное, для старшеклассника моё девичье тело может казаться таким слайдером¹⁰.

— Ну, твоя подача в аут не ушла.

Если сказать прямо.

Она и правда рослая.

Кстати, правильно — слендер.

— Так, Арараги-сан, почему ты смотришь на меня таким страстным взглядом?

— Ну, это... Чё, страстным?

— Смотришь, и грудь так и бьётся.

— Икота, что ли?

Трудно сдержаться.

Испытывает меня.

— Да ничего. Не бери в голову.

— Вот как? Правда?

— Ага... ну...

Всё наоборот?

Может, она вправду в противоположность своим словам в глубине души не хочет встретиться с матерью... Или, возможно, хочет встретиться с ней, но боится, что мать может не принять её... Может быть, её мать уже сказала ей, что не нужно приходить к ней... Из услышанного от Хачикудзи о её семье это может оказаться вполне вероятным.

В таком случае... справиться будет совсем не просто.

Тут Сендзёгахара не идёт ни в какое сравнение...

— Я чувствую запах другой женщины.

Откуда ни возьмись появилась Сендзёгахара Хитаги.

Заехала в парк на моём велике.

Уже так управляется с ним... Круто.

— О... Ты быстро, Сендзёгахара.

Обратный путь занял куда меньше времени.

Настолько внезапно, что я даже не успел удивиться.

— Я пару раз не туда свернула.

— Ох, эта школа в таком запутанном месте. Всё-таки нужно было нарисовать карту.

— Такие громкие слова стыдят меня.

— О, а как насчёт памяти, что ты говорила...

— Пристыжена Арараги-куном... Как же ты низок, раз наслаждаешься этим.

— Нет, ничего я не делал! Сама виновата!

— Неужели тебя, Арараги-кун, возбуждают ролевые игры с пристыженными девушками? Но я прощаю тебя. Это нормально для здорового парня.

— Нет, это ты тут больно нездоровая!

Если я правильно помню, то Ошино как-то говорил, что возвёл вокруг этой школы барьер. Наверное, всё-таки нужно было мне пойти.

Однако даже так Сендзёгахара Хитаги хорошо сыграла стыд. Ей совсем не стыдно. После этих ролевых игр скорее уж мне...

— Я выдержу, что бы ты ни вытворил со мной, Арараги-кун...

— Хватит тут ни с того ни с сего разыгрывать противоположности! Ты больше не можешь разживаться всё новыми натурами! Кстати, Сендзёгахара, если ты и правда так думаешь обо мне, то скажи-ка, когда это я показывал хоть каплю таких извращённых фетишей?!

— Конечно, я на самом деле так не думаю, Арараги-кун.

— Да ладно!

— Что в этом такого, я ведь просто интересуюсь.

— А как бодрит!

— Да, Арараги-кун. Если честно, я так задержалась не только потому, что ошиблась дорогой, я ещё успела пообедать.

— Всё-таки поела... Ты всегда оправдываешь ожидания. Ну и ладно, просто ты человек такой.

— Я поела и за тебя.

— Ясно... Благодарю.

— Всё для тебя. Но я чувствую запах другой женщины, — коротко ответив на мою благодарность, Сендзёгахара вернулась к своим прежним словам. — Кто-то приходил?

— Ну-у...

— Этот аромат... Ханэкава-сан?

— Э? С чего ты взяла?

Поражён до глубины души.

Хотя, наверняка это наугад.

— Аромат... Значит, духи? Но Ханэкава не пользуется косметикой...

Она же была в школьной форме. В таком виде даже гигиенической помадой губы не мажет. В ней Ханэкава как солдат, надевший мундир: ни за что даже и не подумает отступить от школьных правил.

— Я говорила об аромате шампуня. В нашем классе только Ханэкава пользуется этой маркой.

— Э, реально?.. Все девушки чувствуют такое?

— В некоторой степени, — ответила Сендзёгахара, будто сказов нечто очевидное. — Это примерно так же, как ты различаешь девушек по форме ягодич, Арараги-кун.

— Не помню, чтобы показывал такую суперспособность!

— Э? Нет? Не можешь?

— Не делай такое удивлённое лицо!

— Разве не ты говорил мне недавно «Ты точно родишь здорового малыша, у тебя таз такой подходящий для лёгких родов, ухе-хе-хе-хе».

— Это же обычный извращенец!

Вообще, я ни за что бы не стал так гадко смеяться, а уж говорить, что у тебя форма бёдер подходит для лёгких родов, тем более.

— Так Ханэкава-сан приходила.

— ...

Жутко.

Хочется бежать.

— Ну, приходила. Но уже ушла.

— Ты её позвал, Арараги-кун? Ох право, Ханэкава-сан ведь живёт здесь. Она могла бы помочь.

— Нет, никого я не звал. Она просто мимо проходила. Как ты.

— Хм-м. Как я?

«Как я», — повторила Сендзёгахара.

— Как-то неожиданно, всё так наложилось друг на друга. Ханэкава-сан что-нибудь сказала?

— Например?

— Что-нибудь.

— Да нет, ничего. Пара слов... Потрепала Хачикудзи по голове, библиотека... Нет, не в библиотеку, но куда-то ушла.

— Потрепала по голове, значит. Хм-м. Ясно... Неужели и Ханэкава-сан такая?

— А? Любит детей? В отличие от тебя.

— Мы, конечно, разные с Ханэкавой-сан. Да, неодинаковые. Разные... Что ж, прошу меня извинить, Арараги-кун.

Сендзёгахара резко приблизила своё лицо к моему. Я задумался, что же она делает, но, похоже, она принохивается ко мне. Ну, не ко мне, возможно, она...

— Хм.

Вернулась в прежнее положение.

— Не похоже, что тут была любовная сцена.

— Чего? Ты проверяла не крутил ли я с Ханэкавой? Судить о такой по силе запаха... Ну ты даёшь.

— Не только. Теперь я знаю твой запах, Арараги-кун. Предупреждаю, с этого момента все твои передвижения находятся под моим надзором.

— Это вообще реально?..

Ну, вообще, не думаю, что нормальные люди способны на такое, и даже Сендзёгахаре с её повышенным обонянием не превзойти их. Хм... Пока Сендзёгахары не было, мы с Хачикудзи успели два раза подраться, разве на мне не должен остаться её запах? Сендзёгахара никак на это не высказалась. Она уже видела один раз, наверное, сопоставила... А может, Хачикудзи использует шампунь без запаха. Ну, всё равно это неважно.

— Так Ошино всё тебе рассказал, Сендзёгахара? Говори скорей, как нам проводить её до дома?

Слова Ошино на самом деле глубоко запали мне в голову: «...если только Цундере-тян, в смысле Сендзёгахара, послушно расскажет тебе».

Потому я, естественно, поспешил расспросить Сендзёгахару; Хачикудзи с тревогой глядела на неё.

— Всё наоборот, — ответила Сендзёгахара. — Арараги-кун. Мне, похоже, следует извиниться перед тобой, так сказал Ошино-сан.

— А? Ты съезжаешь с темы на полпути? Да ты реально мастер изменять направление разговора. Наоборот? Следует извиниться?

— По словам Ошино-сана, — как ни в чём не бывало продолжала Сендзёгахара. — Истина была одна, но результат изменился, когда появилось два видения. Уже нельзя судить, чьё видение правильное, ведь твою правоту не доказать в этом мире.

— ...

— Но неправильно и просто признать свою неправоту. Он и правда... проницателен.

Ненавижу.

Такое.

— Но... О чём ты? В смысле, не ты, Ошино. Что-то я не особо углядываю связи...

— Освободиться от улитки, от заблудшей коровы, очень просто, Арараги-кун. Если описать словами, очень просто. Ошино-сан сказал так: покуда идёшь с улиткой, блуждаешь, оставишь улитку — перестанешь блуждать. Вот.

— Теряешься, потому что идёшь с улиткой?

Настолько просто, что я не особо понимаю.

Такое ощущение, будто чего-то не хватает. Похоже, Ошино сам что-то опустил. Я взглянул на Хачикудзи, она никак не отреагировала. Однако по её плотно сжатым губам можно понять, что слова Сендзёгахары всё-таки повлияли на неё.

Ничего не сказала.

— Не нужно никого изгонять и никому молиться. Это не одержимость и не преграда. Так же, как и у меня с крабом. И тут же, человек, ставший целью, *приближается* к странности. Более того, это происходит не неосознанно или подсознательно, это твёрдый выбор. Человек сам идёт с улиткой. По собственному желанию следует за ней. И потому теряется. Так что, Арараги-кун, если оставишь улитку, всё придёт в норму.

— Не я же, а Хачикудзи. Но разве это не странно? Хачикудзи ни за что бы не пошла за улиткой — ей просто незачем хотеть этого.

— Потому-то и всё наоборот.

Обычный ровный тон Сендзёгахары несколько не изменился. И как обычно в нём нельзя было прочесть признаки каких-либо эмоций.

Эмоций не отражало и лицо.

Однако казалось, что она расстроена.

Очень расстроена.

— Странность заблудшей коровы это не когда не можешь дойти, это когда не можешь вернуться.

— В-вернуться?

— Она закрывает только обратный путь, не все.

Не прийти, вернуться?

Вернуться... Куда?

Домой?

Прийти повидаться?

— Э, но что это значит? Нет, я понял о чём ты, но дом Хачикудзи... Хачикудзи же не возвращается к себе домой? Всё-таки она идёт в дом Цунаде...

— Поэтому я и должна извиниться перед тобой, Арараги-кун. Но позволь мне оправдаться. Я делала это не из злобы... И даже не нарочно. Я думала, что это я, именно я ошибаюсь.

— ...

Не понимаю, о чём она.

Но чую, смысл здесь есть.

— А что ты хотел? Я больше двух лет не была нормальной. Только на прошлой неделе смогла вернуться к обычной жизни. Если что-то происходит, я буду винить только себя.

— Эй... Сендзёгахара.

— Так же, как и краб, заблудшая корова не появляется просто-то так. Поэтому она и появилась перед тобой, Арараги-кун.

— Нет же, улитка появилась не передо мной, а Хачикуди...

— Хачикудзи-тян, да?

— ...

— Вот что, Арараги-кун. В День матери ты чувствовал себя неуютно, поссорился с младшими сёстрами и теперь не хочешь возвращаться домой. Только этот ребёнок, Хачикудзи-тян...

Сендзёгахара указала на Хачикудзи.

Или хотела указать.

Указала она в совершенно другом направлении.

— Я не вижу её.

Потрясённый, я неосознанно посмотрел на Хачикудзи.

Маленькая, смышлёная на вид девочка.

Чёлка по брови, два хвостика.

За спиной огромный рюкзак...

Чем-то правда похожа на улитку.

Примечания

1. С большим трудом.

2. Имена старцев из «Оокагами».

3. Исторический труд Тамэнари Фудзивара. Содержание «Оокагами» состоит из сухого перечисления биографических дат относительно каждого микадо, анекдотов, танка и жизнеописаний важнейших государственных деятелей, рассказанных с вымышленными романтическими подробностями и охватывает промежуток с 841 по 1036 гг.

4. 綱手, буквально переводится «буксир».

5. Ёкай, днём не отличить от человека, ночью же у него полностью отсутствует лицо.

6. Рассказ Лафкадио Хирна, также известного как Коидзуми Якумо. Из-за данной повести мудзину по ошибке принимаю за ноппэрапон.

7. Отсылка к Super Mario Bros.

8. Неправильно высказанная японская скороговорка. Правильно «намамуги намагомэ наматамаго», переводится «сырое мясо, сырой рис, сырое яйцо».

9. Семь божеств, приносящих удачу в синтоизме. Дайкокутэн — один из семи, покровитель кухни.

10. Кроме всего прочего, название броска в бейсболе.

Давным-давно... Ну, на самом деле не так давно, всего-то десять лет назад. Одна супружеская пара решила порвать свои отношения. Муж и жена. Двое обручённых. Им все завидовали и не верили в их счастье, однако брак этой пары, заключённый больше десяти лет назад, длился недолго.

Не думаю, что дело в том, хорошо это или плохо.

Это обычно.

И как обычно бывает была у них маленькая дочка, и по решению спора, которое не терпело возражений, дочку забрал к себе отец.

В конечном счёте всё усугубилось настолько, что они наверняка поубивали бы друг друга, проживи ещё хотя бы год под одной крышей. Их брак подошёл скорее к краху, чем к концу, и мать под напором отца дала слово больше никогда не видеться с дочерью. С законом это не было связано.

Дала слово полупротив воли.

Но дочка задумалась.

Правда ли против воли?

Также под напором отца дав слово никогда не видеться с матерью, дочка думала — если мама так ненавидит папу, которого так любила, то не стала ли она ненавидеть и дочку? Если нет, то почему она поклялась в таком? Если полупротив воли, то что же оставшаяся половина? Но она должна спросить об этом и себя. Она тоже дала слово никогда не видеться.

Вот так.

Хоть она и её мать.

Хоть она и её дочь.

Их отношения не смогли продлиться долго.

Против воли или нет, данное слово уже не вернуть. Дочка осознала, что бесстыдно грустить лишь о себе самой, и научила её этому не кто иная, как её мать.

Забрал отец.

Сменила фамилию матери.

Но эти мысли никуда не исчезли.

Не исчезла и грусть.

Время, когда все одинаково добры.

По жестокому добры.

Прошло время, дочке уже одиннадцать лет.

Она была поражена.

Дочка больше не помнила лица своей мамы, нет, это не значит, что она не могла его вспомнить. Она с лёгкостью могла вызвать в памяти это лицо. Однако дочка уже не была уверена действительно ли оно принадлежит её маме.

С фотографиями то же самое.

На фотографиях матери, сохранённых в тайне от отца, дочка не узнавала в сфотографированной женщине свою маму.

Время.

Ни одна из этих мыслей не исчезла.

Ни одна.

Поэтому...

Дочка пошла встретиться с мамой.

Во второе воскресенье мая того года.

В День матери.

Естественно, отцу об этом она не сказала и предупредить маму заранее не смогла. Дочка ничего не знала о нынешней жизни своей мамы. И...

А если мама ненавидит её?

А если дочка помешает ей?

А может, мама и вовсе забыла о ней?

Она волновалась.

Если честно, дочка никому, даже близким друзьям, не сказала о том, что идёт встретиться с мамой, и потому в любой момент могла бросить всё и вернуться домой.

Встретиться.

Она старательно собрала волосы и до отказа заполнила любимый рюкзак тем, что напоминает о прошлом, надеясь порадовать маму. Крепко сжала в руке блокнот с адресом, чтобы не заблудиться.

Но.

Дочка не смогла дойти.

Не смогла дойти до дома своей мамы.

Что произошло?

Что случилось?

Правда, что же?

Сигнал светофора был зелёный...

— Эта дочка — я, — призналась Хачикудзи Маёй.

Нет, это скорее исповедь.

Только это пришло мне в голову, когда я глядел на её печальное лицо, готовое в любой момент разлиться слезами.

Я посмотрел на Сендзёгахару.

Выражение её лица не изменилось.

И правда никогда не выказывает эмоций.

Хотя вряд ли она ничего не чувствует сейчас.

— С тех пор... ты так и не нашла дорогу?

Хачикудзи не ответила.

Даже не посмотрела на меня.

— Тот, кто не может дойти до своей цели, мешает вернуться другому. Хоть Ошино-сан и не подтвердил это, но, возможно, это словно дух, привязанный к месту смерти. Простецкое объяснение. Дорога, по которой идёшь, и дорога, по которой возвращаешься, путь туда и путь обратно. Обход паломника. Это и есть Хачикудзи.

Заблудшая корова.

Поэтому заблудшая корова, а не заблуждающая.

Поэтому только так.

Да, странность, которая потерялась сама.

— Но улитка...

— Поэтому, — безэмоционально втолковывала Сендзёгахара. — По-видимому, она стала улиткой после смерти. Ошино-сан не говорил о духе, привязанном к месту, но он сказал «призрак». Не думаешь, что это то и значит?

— Но...

— Но думаю, она отличается от обычного призрака. Не такая, какими мы обычно представляем призраков. И от краба тоже отличается...

— Это...

Но, да... Её называют коровой, но коровой она не является, зовут улиткой, но улиткой её форма не ограничивается. Сама суть странности принята по ошибке.

Имя отражает суть.

Сущность.

«Не всё, что ты видишь, истинно, как и наоборот, не всё истинно, что ты не видишь, Арарагикун».

Хачикудзи Маёй.

Хачикудзи потерявшаяся.

«Маёй» изначально понималось как распустившийся уток, переплетение нитей, поэтому «紕» пишется с радикалом «нить» слева, также это означает и злобу мёртвых, которым помешали упокоиться. Ну, кандзи «宵» само по себе есть «вечер», то есть время сумерек, и означает так сказать, «колдовское время», к тому же кандзи «真», добавленный спереди, становится довольно редкой приставкой, «真宵», то есть «глубокая ночь», вот так понемногу и пришли к архаизму, обозначающему два часа по полуночи, что самая ни на есть глухая ночь. Корова, улитка или же кукла... Однако это прямо как сказал Ошино...

Разве это не тоже?

— Но... ты правда не видишь Хачикудзи? Она же вот, здесь...

Я взял потупившуюся Хачикудзи за плечи и с силой поставил напротив Сендзёгахары. Хачикудзи Маёй. Прямо здесь, я коснулся её. Чувствую тепло её тела, ощущаю мягкую кожу. Если посмотреть на землю, она даже отбрасывает тень. И когда она меня укусила, было больно...

Было весело, когда мы говорили.

— Не вижу. И не слышу.

— Но ты же...

Нет.

Не было.

Сендзёгахара же сразу сказала.

«Ничего не вижу».

— Я видела только, как ты что-то бормотал перед стендом, а потом задвигался словно в пантомиме, Арараги-кун. Я совершенно не понимала, что ты делаешь.

Если бы спросила.

Да, тогда я бы всё ей объяснил. А, вот оно что, потому-то Сендзёгахара и не взяла блокнот с адресом.

Не видела ничего, что могла бы взять.

Не было его.

— Но ты могла бы сказать...

— Не могла. Просто не могу сказать. Если происходит, что ты видишь что-то, чего не вижу я, я всегда буду думать, что не так всё со мной.

— ...

Больше двух лет.

Девушка, встретившая странность, Сендзёгахара Хитаги.

С ней самой всё было не так, сама была странностью.

Такой образ мыслей пустил непомерно глубокие корни в её душе. Человек, повстречавший странность однажды, будет всю оставшуюся жизнь нести это бремя. В большей или меньшей степени, чаще — в большей. Покуда знаешь, что в этом мире существует такое, уже не можешь притвориться, будто ничего не видел, даже если всё прошло бесследно.

Поэтому.

Хоть Сендзёгахара и освободилась наконец от своей проблемы, она по-прежнему не желает думать, что с ней всё в порядке, не желает думать, что что-то не так во мне... и притворилась, что видит Хачикудзи, которую не видит.

Следовала моим словам.

Ясно...

И Сендзёгахара будто бы даже в сторону Хачикудзи не смотрела... она буквально не могла на неё посмотреть. И Хачикудзи пряталась за моей ногой, словно избегая Сендзёгахару, наверняка по той же причине...

Сендзёгахара и Хачикудзи.

Так и не сказали друг другу ни слова.

— Сендзёгахара... потому-то ты и пошла сама к Ошино...

— Потому что хотела спросить. Хотела узнать, что происходит. А когда спросила, он укорил меня или даже был поражён. Нет, наверное, он смеялся.

История действительно забавная и похожа на шутку.

Не очень смешную.

— Так значит, улитку встретил я?

Повстречал демона, а на этот раз — улитку.

Ошино тоже говорил тогда.

— Странности в форме детей, особенно маленьких девочек, похоже, обычное явление. Конечно, о таком и я знаю немного. Было в учебнике по японскому. О призраке в кимоно, строящем козни путешественникам в горах, о ребёнке, который незаметно вливается в компанию детей, незнакомых друг с другом, и по окончании игры один из этих детей пропадает... Хотя ничего о заблудшей корове я не слышала. Знаешь, Арараги-кун. Ошино-сан сказал вот что. Чтобы встретить заблудшую корову, нужно не хотеть вернуться домой. Хотеть, может даже в некоторой степени подсознательно, но любой временами думает об этом. У всех есть проблемы дома.

— О!..

Ханэкава Цубаса.

Она тоже такая.

Воскресенье посвящает прогулкам — в доме разлад и искажение.

Она такая же, как я, или даже больше.

Поэтому Ханэкава видела Хачикудзи.

Видела, трогала, говорила.

— И странность... исполняет желание?

— Звучит, конечно, красиво, но не думаешь, что она просто пользуется человеческой слабостью? Если ты, Арараги-кун, и не хочешь возвращаться домой, это ещё не значит, что ты всерьёз так думаешь. Потому что вернее будет назвать это подсознательным желанием.

— ...

— Но потому-то, Арараги-кун, справиться с заблудшей коровой просто. Он ведь сразу сказал? Если не будешь идти с ней, отделишься, всё будет хорошо. Только и всего.

Сам захотел потеряться.

Довольно логично. Если неотрывно следовать за уликой, которая никогда никуда не дойдёт, то никто не сможет вернуться домой.

На словах очень просто.

Ханэкава легко смогла выйти из парка.

Если возвращаешься, можешь вернуться.

Идёшь вслед за ней, вернуться не можешь.

Но.

Всё-таки, если человек не хочет возвращаться домой, место, куда он возвращается, никак не дом.

— Это не вредоносная и не сильная странность. Никаких травм. Он так сказал. Заблудшая корова это небольшая проделка, лёгкая загадка. Поэтому...

— Поэтому? — перебил я её.

Больше не мог это слушать.

— Что поэтому, Сендзёгахара?

— ...

— Это не так, не так, совсем не так, Сендзёгахара. Я понимаю, к чему ты ведёшь, и это бы, конечно, прекрасно окончил всю эту кутерьму, однако я хотел спросить Ошино не об этом. Спасибо большое за все эти цитаты, но я хотел узнать не это, не за этим ты ходила к Ошино, Сендзёгахара.

— Тогда за чем?..

— За этим.

Я сильнее сжал плечи Хачикудзи.

— Я хотел узнать, как её, Хачикудзи, отвести к её маме, только это. С самого начала мне нужно было только это. Мне нет дела до всяких таинственных знаний, которых никто не ведаёт. Эта бесполезная информация попросту забивает мозги. Важно совсем не это.

Не Арараги Коёми.

А Хачикудзи Маёй.

Я не должен остаться.

Я обязан остаться.

— Ты не понимаешь, Арараги-кун? Этот ребёнок, её здесь нет. Ни здесь, ни где-либо ещё. Хачикудзи... Хачикудзи Маёй-тян, да. Она... Она уже умерла. Потому это не нормально, она не одержима странностью, она сама странность...

— И что с того?! — крикнул я.

Крикнул прямо Сендзёгахаре.

— Тут все не нормальные!

— ...

И я, и ты, и Ханэкава Цубаса.

Ничто не вечно.

И тем не менее.

— Ой, Арараги-сан, больно.

Хачикудзи заизвивалась в хватке моих рук. Я сам не заметил как слишком сильно сжал её плечи и больно оцарапал ногтями.

Больно.

А затем она продолжила:

— Н-но, Арараги-сан. Сендзёгахара-сан сказала ведь. Я... я...

— Тихо!

Что бы она не сказала, Сендзёгахара всё равно не сможет услышать.

Слышу лишь я.

Но она даже с самого, с самого начала пыталась сказать, что она улитка, пусть и слышу лишь я.

Пыталась изо всех сил, приложила все усилия, чтобы сказать.

А после говорила и ещё.

В самом-самом начале, её первые слова.

— Ты не слышала, Сендзёгахара, поэтому я скажу тебе. Первые её слова мне, да и Ханэкаве, были достаточно неожиданными.

«Не говорите со мной».

«Ненавижу вас».

— Понимаешь, Сендзёгахара? Она не хотела, чтобы за ней кто-то шёл, и высказывала это всем, понимаешь, что она чувствует? Если кто-то пытается потрепать её по голове, она кусает руку, мне не понять этого.

Нельзя ни на кого полагаться.

Не могла сказать.

Что она сама такая.

Что в ней странность.

— И хоть мне не понять, но и она и я одинаково прочувствовали, что такое потеряться, что такое быть одному, хоть и по-разному, но прочувствовали. Чувства у нас не одинаковые, но боль одна. У меня бессмертное тело, у неё — странность. То и это. Мне плевать на улиток и потерявшихся коров, даже если она сама скажет, это не изменит ничего. Ты не видишь её, не слышишь и даже не чуешь, но именно поэтому я просто обязан проводить её до мамы.

— Я знала, что ты так скажешь.

Я чуть поостыл и понял, что не надо было так кричать на Сендзёгахару, да и наговорил всякого бреда... Однако Сендзёгахара и бровью не повела, её лицо нисколько не изменилось.

— Наконец ты показался, Арараги-кун.

— Э?..

— Я, похоже, ошибалась в тебе. Нет, не ошибалась. Я подозревала, или скорее была уверена в этом, и теперь все иллюзии рассеялись. Арараги-кун. Эй, Арараги-кун. В прошлый понедельник из-за моей оплошности я раскрылась тебе... И ты в тот же день позвал меня, Арараги-кун.

Сказал: «Могу протянуть руку».

Я окликнул Сендзёгахару.

— Если честно, мне не понять, почему ты сделал это. Ты же с этого не получил ничего. Что хорошего в моём спасении для тебя, так почему? Арараги-кун, так может ты спас меня потому, что это была я?

— ...

— Но это не так. Не совсем так. Ведь ты, Арараги-кун, просто спасаешь любого.

— Спасаяю... Больно сильно сказано. Не преувеличивай. Любой бы так поступил, к тому же, как ты говорила, у меня случайно оказалась похожая проблема, и я знаком с Ошино...

— Даже если бы у тебя не было похожей проблемы, и ты не знал Ошино-сана, разве ты не поступил бы так же? По словам Ошино-сана, так бы и было.

Что он ей там наболтал?

Как обычно накидал с три короба.

— По крайней мере, не думаю, что я подошла бы и окликнула незнакомую девочку, которую только второй раз вижу перед стендом с картой.

— ...

— Когда ты долго один, начинаешь думать, что ты особенный. Когда ты один, ты не такой как остальные. Только это не так. Это смешно. За те два года, что я повстречала странность, на самом деле несколько людей всё же прознали о моей проблеме. Но в конечном счёте таким, как ты, был лишь ты, Арараги-кун.

— Ну, я это всего лишь я, как никак...

— Вот именно.

Сендзёгахара улынулась.

А затем, хоть, наверное, и по чистой случайности, но Сендзёгахара Хитаги посмотрела прямо на Хачикудзи Маёй.

— Последнее сообщение Ошино-сана, Арараги-кун. «Раз Арараги-кун всё равно начнёт надеяться, то я по доброте душевной так уж и быть подскажу один трюк».

— Т-трюк?

— Он правда видит всё насквозь. Ни малейшего понятия, что у этого человека в голове.

«Ну, поехали», с этим Сендзёгахара лёгким движением взобралась на велосипед. Ведёт себя будто он уже её.

— Куда?

— К Цунаде-сан, конечно. Как добропорядочные граждане, мы обязаны проводить Хачикудзи-тян. Я поведу. И ещё, Арараги-кун.

— Чего?

— I love you.

— ...

Тон нисколько не изменился.

...

Подумав пору секунд, я понял, что я, наверное, первый в Японии парень, которому призналась одноклассница на английском.

— Поздравляю, — проговорила Хачикудзи.

В любых значениях это слово тут не в тему и не к месту.

И час спустя я, Сендзёгахара и Хачикудзи добрались до адреса, записанного в блокноте, того самого адреса, по которому десять лет назад ещё живая Хачикудзи Маёй, не зная точного места, направлялась в День матери.

Это заняло какое-то время.

Но прошло без труда.

— Но это же...

Тем не менее удовлетворения это не принесло.

От картины, открывшейся перед нами, не было никакого удовлетворения.

— Сендзёгахара... Ты не ошиблась?

— Нет. Всё верно.

Не похоже, что можно оспорить такие уверенные слова.

Дом матери Хачикудзи — дом Цунаде.

Стал самым настоящим пустырем.

Ограждён забором-сеткой, тут и там на голой земле стоят знаки «Частная территория», «Посторонним вход воспрещён». Ржавчина на знаках говорит о том, что стоят они тут уже довольно давно.

Застройка.

Перепланировка.

Как и от старого дома Сендзёгахары, превратившегося в дорогу, от этого дома не осталось и следа.

— Это оно?..

Предположение этого затворника Ошино Мэмэ, трюк, который мы использовали на этот раз, был настолько простым и очевидным, что, услышав его, любой бы спросил: «Что, и всё?»

Назови хоть улиткой, хоть заблудшей коровой, но если исходить из свойств странности как призрака, то они не запоминают новой существенной информации, как-то так.

По сути, такие странности как бы и не существуют.

Существа, которые существуют, не существуя.

Если никто не видит, то их и нет.

Если использовать сегодняшний случай, то Хачикудзи появилась и начала существовать здесь именно в тот момент, когда я, сидя в парке на скамейке, посмотрел на стенд с картой, типа того.

То же самое, Ханэкава вдруг посмотрела на сиденье рядом со мной в парке, и Хачикудзи тут же должна была появиться. Как у странности, у неё нет постоянного тела, она появляется только в тот момент, когда её замечаешь, в этом случае встреча с заблудшей коровой реальна лишь наполовину.

Её нет, пока на неё не посмотрят, наблюдатель и наблюдаемый объект. Ханэкава наверняка смогла бы красочно, метафорически и с помощью знаний науки объяснить это, но я так не умею, Сендзёгахара, наверное, смогла бы, но сама ни за что не выскажется.

Ладно.

Новая информация, в общем, знания.

Конечно, я с местностью не знаком, и со мной улитка могла брести сколько угодно, даже Сендзёгахару, которая не видит её, смогла запутать и до кучи сигнал мобильного обрubiла. В итоге цель мы могли бы искать бесконечно.

Но.

То, чего она не знает, она не знает.

Хотя, даже если и знает, то соотнести не может.

Вот, перепланировка, например.

За десять лет, да даже за прошлый год городской пейзаж изменился до неузнаваемости; ни околных путей, ни коротких дорог и ни по прямой...

Если избирать маршрут только по новым дорогам, то странность вроде заблудшей коровы не сможет соотнести их.

Странность не копит годы, девочка-странность сколько бы времени ни прошло останется девочкой, вот так.

Никогда не повзрослеет...

«Я такая же».

Десять лет назад Хачикудзи была в пятом классе начальной школы... То есть, если упорядочить временные рамки, Хачикудзи Маёй, по сути, старше меня и Сендзёгахары, однако рассказывала она о своих шалостях в школе, словно это было вчера, в широком смысле этапных воспоминаний у неё нет.

Нет.

Нету.

Потому, потому что.

Лить новое вино в старые мехи, так говорят.

Этот паршивец Ошино видит всё насквозь, и хоть ни разу и не видел Хачикудзи, хоть ничего толком о ней и не слышал, да даже об этом городе почти ничего не знает, но смеет говорить, будто знает всё.

Хотя, результат оказался успешным.

В общем, мы словно в лотерее Амиды¹ как могли выбирали дороги с новым чёрным асфальтом и избегали дорог со старым покрытием; по пути мы прошли по дороге, в которую превратился старый дом Сендзёгахары, и вот спустя час.

От того парка путь не занял бы и десяти минут — если по прямой, то там, где-то метров пятьсот — у нас же это заняло больше часа...

Дошли до места.

Дошли, но...

Здесь самый настоящий пустырь.

— Всё это неправильно...

Да.

С такими изменениями в городском пейзаже и дорогах, было бы слишком удобно, если б цель нашего путешествия несколько не изменилась. С момента изменений не прошло и года, и даже дом Сендзёгахары превратился в дорогу. Этот план сам по себе остался бы лишь пустым рассуждением, если б к этому дому не вело новых дорог. Возможность изменений можно было предугадать с самого начала, но тем не менее, если бы мы изначально не могли это хорошо закончить, это потеряло бы всяческий смысл. Всё было бы тщетно. Если это напрасно, то напрасно всё.

Ничто в этом мире не проходит гладко.

Желания не сбываются.

Если цели пути заблудшей коровы уже нет, то неужели она правда вынуждена вечно скитаться, вечно блуждать, бесконечно нарезать круги... оставаться улиткой?

Ужасно.

Ошино.

Этот поганец в психоделической гавайской рубахе наверняка предвидел и такой исход, такой конец. Так может, он поэтому специально...

Ошино Мэмэ такой непостоянный, такой развязный в разговоре, он ни за что не понапутствует, никогда не ответит на то, о чём не спрашивали. И пальцем не пошевелит, если его не попросишь, и даже если попросишь не всегда.

Со спокойным сердцем не скажет то, что должен сказать.

— У-уа.

Я услышал рядом всхлипы Хачикудзи.

Ошеломлённый такой реальностью, я понял, что совсем позабыл о Хачикудзи и тут же повернулся к ней — она плакала.

Голову не опустила, смотрела прямо.

Смотрела на то, что было домом, на пустырь.

— У-у-а-а-а-а...

А затем.

Хачикудзи пробежала мимо меня.

— Я дома! Я вернулась!

Ошино.

Как должное, как само собой предвидел такой конец, такой исход.

Не говорит то, что должен говорить.

Я хотел, чтоб он мне всё рассказал с самого начала.

Что же увидела Хачикудзи, когда наконец добралась?

Я и Сендзёгахара видели здесь только обычный пустырь; место полностью изменилось, но что же увидела Хачикудзи Маёй, когда взглянула туда?

Что там появилось?

Ни застройка, ни снос не имеют никакого значения.

Даже время.

Фигура девочки с огромным рюкзаком за спиной мгновенно подёрнулась дымкой, стала размываться, истончаться... не успел я и глазом моргнуть, как она исчезла.

Не вижу.

Нет ничего.

Но она сказала: «Я дома». Это уже не дом её матери, с которой она рассталась, шла она совсем не сюда, но она сказала: «Я дома».

Словно вернулась домой.

Это.

Похоже, эта история окончилась хорошо.

Очень хорошо.

— Хорошо постарался, Арараги-кун. Это было круто, — вскоре проговорила Сендзёгахара.

Ни тени эмоций в голосе.

— Ничего я не сделал. На этот раз поработала ты. Не я. Без твоих знаний окрестностей этот трюк остался бы только теорией.

— Это, конечно, так, но... всё равно это не правда. Я и сама удивилась, что здесь пустырь. Должно быть, смерть дочки в аварии заставила семью переехать. Хотя, конечно, если задуматься, причин можно ещё много придумать.

— Ну если так подумать, то мы даже не знаем, жива ли сейчас мать Хачикудзи.

А отец тем более.

Кстати, а Ханэкава же может что-нибудь знать. Наверняка у неё были какие-то представления о доме Цунаде. Если она знает, что случилось с домом Цунаде, то наверняка умолчала. Она такая. По крайней мере, она точно не педант.

Просто справедливая.

Во всяком случае дело закрыто...

Как-то больно быстро. И тут я заметил: солнце этого воскресного дня уже садится. Середина мая, дни ещё коротки... и скоро придётся возвращаться домой.

Как и Хачикудзи.

И, вроде, ужин сегодня за мной.

— Ладно... Сендзёгахара. Вернёмся на велосипеде.

Сперва Сендзёгахара хотела вести нас верхом на горном велосипеде, но без лишних слов осознала всю несуразность этой идеи и прямо на стоянке того парка вернула мне велосипед, обратившийся бесполезным грузом.

— Хорошо. Кстати, Арараги-кун.

Сендзёгахара не двинулась — говорила, не оторвав взгляда от пустыря.

— Я до сих пор не получила ответа.

— ...

Ответа...

Всё-таки вопрос.

— Э-эм, Сендзёгахара. Ты это...

— Скажу вот что, Арараги-кун. Я ненавижу всякие любовные комедии, где очевидно, что двое должны быть вместе, но всё затягивается на стадии «больше чем друзья, меньше чем пара».

— Да?..

— Ещё скажу, что не люблю спорт-мангу, где годами проходит матч за матчем, но и так понятно, кто победит, и не люблю боевую мангу, где сражения со всякой мелюзгой всё не кончаются, даже после свержения последнего босса и установки мира.

— Да это же почти вся сёнен и сёдзё манга.

— Так что?

Не даёт и с мыслями собраться.

Сама атмосфера не позволяет увिलивать. Даже состояние парня, признающегося девушке в окружении подруг, не так гнетуще.

— Похоже, тут сложилось небольшое недоразумение, Сендзёгахара. В смысле, спешка. Твоя проблема только в этот понедельник разрешилась, чему я, конечно, достаточно поспособствовал, и такие чувства могут смешаться с, так сказать, благодарностью...

— Ты говоришь о той глупой теории, где в критический момент мужчина и женщина поддаются любви, полностью игнорируя все доводы человеческого разума? Она же совершенно не принимает во внимание, что в подобных ситуациях раскрывается истинная сущность людей.

— Глупая... Думаешь? И правда, люди, которые признаются в любви на опасном подвесном мосту и правда глупые, но... Но тут приходит на ум только возвращение долга, в смысле, ты испытываешь ко мне излишнюю благодарность... Вообще, само по себе это всё выглядит, будто я использую твою благодарность в своих целях, и мне от этого нехорошо.

— Это всё отговорки. Я бы хотела, чтоб ты проявил инициативу, думала, что признаешься сам, Арараги-кун, потому только притворилась. Бестолочь. Ты прозевал ценную возможность. Я больше никогда не разыграю такое.

— ...

Ужасные слова.

То есть, всё-таки это правда...

Закинула удочку...

— Расслабься. На самом деле я не испытываю такой благодарности к тебе, Арараги-кун.

— Правда?..

Э-э.

Это как это?

— Ведь ты, Арараги-кун, спасаешь любого.

«Тем утром на лестнице я не столько почувствовала, сколько узнала, Арараги-кун», — бегло добавила Сендзёгахара.

— Хоть и не потому что я, но и не должна быть я. Если бы ты спас, например, Ханэкаву-сан, и я бы увидела это со стороны, то всё равно бы почувствовала в тебе что-то особенное. Даже если особенная не я, но думаю, очень приятно, что особенный ты, Арараги-кун. Ну... это несколько громко сказано, но, если говорить прямо, мне просто весело говорить с тобой.

— Но мы столько не наговорили даже...

Какой там.

Мы вместе провели только этот понедельник, вторник, да и сегодня, и Сендзёгахара небрежно не обратила на это внимание и ведёт такие речи. Понедельник, вторник и сегодня — только и всего.

Не больше трёх дней.

Хоть мы и учимся в одном классе уже три года...

Мы практически чужие люди.

— Да, — без возражений согласилась Сендзёгахара. — Поэтому я хочу говорить с тобой дольше.

Дольше, больше времени.

Чтобы узнать.

Чтобы полюбить.

— Не думаю, что это какая-то дешёвка, вроде любви с первого взгляда. Но я и не настолько терпелива, чтобы ждать, пока всё подготовится. Как же сказать... Да, чувствую, я готова приложить все усилия, чтобы любить тебя, Арараги-кун.

— Вот как...

Если ты так говоришь, я согласен.

Возражения излишни.

Трудиться, чтобы продолжать любить, потому что само чувство любви это нечто очень побуждающее. В этом случае, наверное, хорошо, что Сендзёгахара высказалась так.

— В конце концов, думаю, это вопрос времени. На самом деле дружить уже хорошо, но мне этого мало. Я хочу сразу дойти до конца.

Похоже, я попал в сети сей жестокой девы.

Она продолжила:

— С тобой случается такое, потому что ты добр без оглядки, Арараги-кун. Это рефлексия и самокара. Но не нужно волноваться, я вижу различия между этими чувствами и благодарностью. По крайней мере, у меня появилось много идей о тебе за всю эту неделю.

— Идей?..

— Они заполнили всю неделю.

Такие откровенности.

И чем же я занимался в этих идеях Сендзёгахары...

— Да, представь это, как на своё несчастье попасться на глаза деве, настолько изголодавшейся по любви, что она готова влюбиться в любого, кто хоть немного добр к ней.

— Ясно...

— Тебе не повезло. Проклятые привычки.

Она даже готова принизить себя?

И сама столько высказала.

Даже такое.

Чёрт, отвратительно.

Как же я жалок.

— Так вот, Арараги-кун. Хотя я столько всего сказала...

— Чего?

— Если ты откажешь мне, я убью тебя и сбегу.

— Это же обычное убийство! Ты тоже должна умереть!

— Это то, что называют серьёзностью.

— Ох, ясно...

Выдох словно с самых глубин сердца.

Серьёзно.

Она непостижима.

За три года в одном классе всего три дня, сколько ушло впустую. Seriously, Арараги Коёми просто невероятную кучу времени потратил впустую.

Я попал в её сети.

И, думаю, это правда хорошо.

Арараги Коёми правда рад, что попал в сети Сендзёгахары Хитаги.

— Если ты трусливо ответишь, что хочешь немного подумать, я буду презирать тебя до конца твоих дней, Арараги-кун. Не стоит так позориться перед девушкой.

— Понятно... Думаю, сейчас это было бы слишком некрасиво. Но Сендзёгахара. Могу я поставить одно условие?

— Какое? Хочешь целую неделю наблюдать, как я убираю нежелательные волосы?

— Это определённо одно из самых отвратительнейших желаний за сегодня!

Определённо и по времени и по цели.

Через несколько секунд я повернулся к Сендзёгахаре.

— Условие, ну, или скорее даже обещание...

— Обещание... Какое?

— Сендзёгахара. С этого дня ни за что не делай вид, будто видишь невидимое или не видишь видимое. Ни за что. Если что-то странно, говори это прямо. Не нужно такой заботы. Из-за нашего опыта, из-за наших знаний, и я и ты должны будем нести это бремя, потому что знаем, что подобное существует. Поэтому, если наши взгляды разойдутся, то сразу говори мне. Пообещай это.

— Без проблем.

Невозмутимый вид Сендзёнахары как обычно нисколько не изменился, но тем не менее я определённо смог почувствовать в этом слишком быстром, почти поспешном без запинки ответе.

Самокара?

Возможно, привычки.

— Тогда пойдём. Уже совсем темно и эм... Думаю, в таком случае, мне следует проводить тебя.

— На этом велосипеде нельзя ездить вдвоём.

— Тут есть палки, так что вдвоём можно, а втроём уже нет.

— Палки?

— Палки для ног. Не знаю, как они называются... в общем, на заднем колесе стоят. Можно встать на них. А руки положить переднему на плечи. Можем решить, кто спереди в камень-ножницы-бумага. Раз улитки уже нет, то вернёмся по нормальному. Да и не помню я ту дорогу, по которой мы пришли... Сендзёгахара, давай...

— Подожди, Арараги-кун.

Сендзёгахара не двинулась с места.

Продолжая стоять на месте, она взяла меня за запястье.

Сендзёгахара Хитаги уже довольно давно чурается касаться других людей, и потому такое касание, конечно, было для неё впервые за долгое время.

Касается.

Видит.

Значит, мы есть.

Вместе.

— Думаю, мне нужно сказать это.

— Сказать?

— Я не потерплю компромиссных отношений.

— А, вот что.

Думаю.

Отвечать на английском девушке, желающей дойти сразу до конца, было бы глуповато. И с другими языками у меня всё очень поверхностно, да и было уже это.

И тогда.

— Надеюсь, оно станет популярным.

— А?

— Торэ Сендзёгахары.

Во всяком случае, большей частью здесь.

Предположение Ханэкавы ударило в самое яблочко.

Похоже, эта староста всё-таки знает всё.

Примечания

1. Амидакудзи, состоит из так называемых «лесенок», в которых число вертикальных линий равно числу участников и вещей, а горизонтальные располагаются в случайном порядке. Помогает распределить вещи, когда их число равно числу участников.

Эпилог, или скорее, кода.

На следующее утро двое моих младших сестёр, Карэн и Цукихи, как обычно разбудили меня. Раз они пришли будить меня, значит, похоже, мои извинения близкие к безоговорочной капитуляции всё-таки возымели успех, и гнев этих двоих сошёл на нет. В этом году мне уже ничего не сделать, но я пообещал, что в следующем ни за что не уйду из дома в День матери. Скорее всего, и это тоже помогло. Ладно, понедельник. Никаких праздников, самый обычный будний день. Перекусил за завтраком и направился в школу. Не на горном велике, а на том, который с корзинкой. Сендзёгахара с сегодняшнего дня должна снова посещать занятия, и от этого педали крутятся куда легче. Однако на спуске недалеко от дома, я едва не наехал на беззаботно прогуливающуюся девочку и в спешке затормозил.

Чёлка по брови и два хвостика.

На спине огромный рюкзак.

— О... Аараги-сан.

— «Р» забыла.

— Прости. Оговорилась.

— Почему ты здесь?

— А, ну, как сказать...

Девочка со смущением ниндзя, чья маскировка провалилась, улыбнулась.

— Э-эм, знаешь, Аараги-сан, благодаря тебе я перешла из призрака места в бродящего духа. Поднялась сразу на две ступени.

— Э-э...

Я поражён.

Каким бы фривольным и легкомысленным не был специалист Ошино, услышь он это, то тут же бы рухнул в обморок от такой обезоруживающей фантастической логики.

В любом случае, хоть мне и есть, что ей сказать, но я должен заботиться о посещаемости, и потому мне нужно идти, чтобы не опоздать, так что я ограничился парой-тройкой слов и снова взобрался на велосипед.

Она заговорила:

— Эм, Аараги-сан. Я думаю какое-то время побродить здесь, так что... — она заговорила. — Если увидишь, можем поболтать.

Без сомнений, эта история с хорошим концом.